

Тени черного волка

Автор:

Данил Корецкий

Тени черного волка

Данил Аркадьевич Корецкий

Похититель секретов #8Шпионы и все остальные (АСТ)

В средневековый австрийский замок тайно прибывают лазутчики императора Курт и Клара, выискивающие государственную измену среди вассалов монарха. Им предстоит пережить удивительные и опасные приключения, столкнуться с легендой о волке-оборотне, а потом и с ним самим. Курт создает тайный Орден черного волка, в который входят опытные рыцари плаща и кинжала. Задание они выполнили, но Клара предает своего напарника, только его смелость и боевые навыки помогают остаться в живых. А через столетия разведчики Полянский и Горина сталкиваются и с древним Орденом, и с черным волком, и с ЦРУ, и с предательством... Старая история повторяется, и в ней ключ к разгадке событий современности...

Данил Корецкий

Тени черного волка

© Корецкий Д. А., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Часть первая. Орден черного волка

Глава 1. Замок и волки

Австрия, 1591 год, весна

Замок Маутендорф располагается в Западной Австрии, в предгорье Альп. Он стоит на высоком холме, как и положено, чтобы сподручней было контролировать окружающую местность и отбивать нападения иноземных захватчиков, завистливых и кичливых князей-соседей, и всяких прочих врагов. Это небольшой каменный город с узкими улицами, торчащими вверх круглыми и квадратными башнями, окруженный толстой высокой стеной и некогда глубоким, но уже изрядно обмелевшим рвом. Везде тревожно пахнет дымом печей и железом, в нос бьет резкий запах собак и мусора. Постоянно заезжают и уезжают обозы, кареты, всадники – среди них встречаются разбойники, убийцы и воры. Днем очень шумно: ругаются торговцы, ржут кони, блеют бараны, ревет скот, приведенный на продажу, лают собаки, скрипят повозки и телеги. По ночам замок засыпает, зато слышен вой подходящих вплотную волков...

Неподалеку от Маутендорфа располагаются шахты, в которых добывают соль – это не только кулинарная добавка, но и необходимый для жизнедеятельности человека продукт, стратегическое сырье, поэтому тяжело груженные мешками телеги расползаются отсюда по всей Европе, а многие считают, что и по всему миру.

Правее и ближе к горной цепи выглядывают из леса башни замка Моосхам. Эти две крепости должны преградить путь вражеским войскам, если они вздумают напасть на Австрийскую империю. Но обстановка была спокойной, враг не появлялся, и замки выполняли другие функции: в Маутендорфе размещалась таможня и управление соляными копиями, а в Моосхаме находились суд, тюрьма и даже плаха: на центральной площади производились казни. Когда соперничающие между собой Господа замков хотели похвастать перед визитерами, то князь фон Веллинсгаузен гордо объявлял, что в его руках

правосудие и меч палача, а князь фон Бауэрштейн, тонко улыбаясь, просил не угощать гостей этими лакомствами, предлагая взамен хлеб и соль, жареную оленину и изъятые таможенниками контрабандные меховые куртки... Надо ли говорить, кто из князей выглядел щедрее и умнее?

Штефан много времени проводил на сторожевой башне Маутендорфа, оглядывая бесконечные леса вокруг, выстроенную рядом одноименную с замком деревню, проходящую мимо довольно широкую дорогу, по которой ежедневно проезжают в обоих направлениях десятки торговых обозов, карет, крестьянских телег, разномастных повозок, едут конные, идут пешие – поодиночке, а то и целыми семьями... Весь этот поток фильтрует пост таможенных стражников, которые пропускают обычных путников, а купцов и всевозможный торговый люд направляют в замок, на таможню, для проверки.

Со сторожевой башни открывались великолепные виды на высокие горы, снежные вершины которых, в совокупности с бескрайним лесным массивом, создавали прекрасный пейзаж, с чистым воздухом, которым привольно дышалось и от которого радовалась душа. Но Штефан и его напарник Маркус, как и остальные местные жители, к этому привыкли и никакого внимания на природные красоты не обращали.

Тем более что дежурили они по ночам, а ночью ничего этого, естественно, видно не было. Даже факелы у входных ворот потушила непогода. Собиралась гроза. Дождь уже начался, но еще не вошел в силу, резкий холодный ветер со всех сторон пронизывал насквозь пустые оконные проёмы наблюдательной башни, торчащей из толстой замковой стены. Двое ночных стражников дрожали и жалась друг к другу не столько от тесноты: шлемы, нагрудники и кольчуги защищают от стрел и клинков, но не от холода, наоборот – выставшее железо стремится охладить и упакованные в него мягкие, теплые тела. Дрожи добавляла и доля тревоги: угрожающе гремел гром, частые вспышки молний зловещим светом освещали раскинувшуюся в долине деревню, поросшие густым лесом холмы вокруг и дорогу – один из основных путей через Альпы, соединяющий Австрию и Италию. В такую ночь можно ждать чего угодно: и иноземной осады, и разбойничьего налета, и злых козней нечистой силы...

– Спустишь, сделаю обход, – преодолевая себя, сказал Штефан. – Позже погода будет еще хуже...

– Подожди! – схватил его за рукав Маркус. – Лучше держаться вместе и не покидать пост! Чего там ходить?! Всё заперто, улицы пустые... А вдруг за углом кто-то поджидает? Даст топором по башке, и шлем не спасет.

– Кто может меня поджидать?

– Злодей какой-то с постоялого двора или разбойник... А то и нечисть какая... В такую злую ночь лучше сидеть здесь!

Будто в подтверждение его слов со стороны недалекой деревни донёлся собачий лай, но тут же прервался – собака придушенно заскулила и, взвизгнув, смолкла, словно кто-то большой и сильный схватил ее за горло и перегрыз в один миг...

– Волки! – поднял палец Маркус. – Их столько развелось, что уже и на людей нападают.

– Похоже, ты прав! Прошлой ночью у самых стен выли.

– У стен... Мне Харди Хитрый рассказывал, что они даже сюда пробираются как-то. Он сам, говорит, видел волка ночью внутри замка.

– Верь ему больше! Ворота всегда засветло запираем... Как они перелезут через стену?

– Не знаю как, а только Харди нет никакого смысла мне врать...

В это время разверзлись небеса, и крупные капли частой дробью застучали по черепичной крыше.

– Нехорошая ночь! – сказал Маркус. – Зловещая. В такую ночь души невинно убиенных летают и кричат... Только их никто не слышит...

Штефан вздохнул.

– Вчера как раз в «замке ведьм» одну казнили, мне брат сказал, он там был. Говорит, красивая – глаз не отведешь...

– Да все знают, откуда в этом Моосхаме берутся ведьмы! – с досадой воскликнул Маркус. – Вся округа болтает: как красивая девка князю не дала, так ее тут же и объявляют ведьмой! Могут в монастырь заточить, а могут и голову отрубить!

Штефан испуганно оглянулся, как будто здесь кто-то мог услышать их разговор.

– Ты меньше языком трепи! А то нас быстро отправят в соляную шахту... А там каждую неделю кого-нибудь заваливает!

– Ладно, ладно... – Маркус сунул руку за пазуху и достал маленький бурдючок. – На вот, успокойся и согрейся!

– Да тут и одному горло не промочить!

– А ты попробуй, попробуй! – загадочно улыбнулся в усы Маркус.

Штефан вытащил пробку, сделал большой глоток, поперхнулся и закашлялся. На глазах выступили слезы.

– Что это?! – прокашлявшись, спросил он. – Это не вино!

– Шнапс! Новый иноземный напиток из пшеницы, жена сделала. А ей рецепт дала Грета, свояченица Дитмара! Он куда крепче вина пробирает и веселит. Сейчас тебе теплее станет, вот увидишь!

Он протянул товарищу откуда-то появившуюся в руке сухую лепёшку с ломтиком вяленой говядины.

– Глотни ещё и закуси!

Штефан отказываться не стал и в точности последовал совету. Затем Маркус взял бурдючок и тоже выпил.

– Ну как, потеплело? – спросил он.

– Угу, – кивнул напарник, хрустя сухарём.

- Вот видишь! И страхи всякие в голову не лезут!

Они помолчали, прислушиваясь к шуму дождя и ветра.

- Это какой Дитмар? - вдруг спросил Штефан.

- Он из таможенной стражи, здоровый такой. Охраняет тех, кто товары проверяет. Они все новинки первыми пробуют. Вот какой хороший рецепт вызнал у немецкого купца!

Штефан кивнул.

- И вообще... Днем проверяют, по ночам спят, а мы тут торчим на ветру...

Маркус оживился и еще раз приложился к бурдюку.

- Мало того! Говорят, что они не всю пошлину в казну сдают, часть себе оставляют. Ты пей, пей!

- Кто говорит? Опять Хитрый? Так ему точно верить нельзя!

- А ты думаешь, они всё отдают?

- Не знаю. Они же монахи, люди божьи. Зачем им деньги?! И потом, они все в книгу записывают!

- Ну, не скажи! Записать можно все что угодно!

- Не знаю, - повторил захмелевший Штефан, снова пригубил быстро пустеющий бурдючок и вернул напарнику.

- Всё равно не завидуй им! - сказал он после паузы. - Ты утром пойдёшь домой, к своей жене, будешь любить её и пить это крепкое иноземное вино...

- Обязательно! - расплылся в улыбке Маркус.

– Ну вот! А они же монахи, им вообще женщин любить нельзя. Да и вино пить – тоже...

– И то верно! – согласился Маркус. – Не хотел бы я с ними поменяться! Лучше помёрзнуть тут немного...

– Во-оо-от! – назидательно поднял палец Штефан. – Тем более что уже и не холодно. Только Дитмар, скажу я тебе, все равно лучше всех устроился. Дежурит днем, жену любит, крепкое вино пьет...

– Да, но зрителю Вагнеру всё равно лучше: он и не монах, а спит сейчас не в деревне, а здесь, в тёплой постели с какой-нибудь бабенкой, имеет слуг и иноземное вино раньше нас попробовал. А мы его охраняем...

– Ты еще Господину позавидуй! Или самому императору! – Штефан даже присел. – За такие слова – мигом голова с плеч слетит!

– А что я сказал? – понизил голос Маркус. – Что ты всего боишься? Как он узнает?

– Узнает! У него везде свои уши, – прошептал Штефан, отвернулся и принялся вглядываться в грозовую ночь, как будто бдительно нес службу. Но напарник понял, что он просто не хочет разговаривать на тему, щекотливую, как меч палача...

К утру дождь закончился. С рассветом воздух наполнился туманом и трелями птиц. Благоухающая после дождя зелень радовала глаз, и даже серые стены замка не казались уже такими мрачными. Сменившиеся замковые стражники ушли по домам, отдыхать, а их дневные собратья заступили на службу.

Весеннее солнце быстро осушило землю, туман рассеялся, и Дитмар с еще одним таможенным стражником вышли на дорогу рядом с крепостью в ожидании проезжих торговцев, чтобы скрестить перед ними алебарды и направить в замок, где таможенные монахи проверят, что за товар они везут, и определят пошлину за провоз.

А вскоре показался и первый обоз. Четыре запряжённых лошадьми кибитки медленно ползли по дороге в сторону Альп. По мере их приближения к замку

стало понятно, что обоз побывал под дождём прошлой ночью: крупы лошадей, тенты кибиток, борта и колёса, – всё было покрыто засохшей грязью.

Не дожидаясь команды, из первой повозки на ходу выпрыгнул, по всей видимости, хозяин товара – не старый ещё, но толстый, с большим животом мужчина в простой грубой одежде. Он неуклюже подбежал на неестественно тонких для такого тела ногах к стражнику, почтительно поклонился. Лицо у него уже было загорелым, на правой щеке, от скулы к подбородку, тянулись четыре свежих царапины.

Обоз остановился. При ближайшем рассмотрении выцветшие тенты кибиток оказались усеяны множеством мелких точек – следами искр от костра. Некоторые прогары были тонкими, как прокол от иголки, а сквозь самые крупные из них смогла бы проскочить и лесная мышь. От этого кибитки просвечивались насквозь, как дуршлаг на солнце. Ясно, что от большого дождя такие тенты спасали плохо.

Дитмар заглянул внутрь. Все повозки были загружены большими, плетёнными из виноградной лозы прямоугольными корзинами с крышками. Что в них находится, предстояло выяснить, хотя хозяин скороговоркой что-то объяснял про дешёвые носильные вещи, которые он везет для большой семьи, и жестами показывал, что очень спешит. Но на слово торговцам здесь уже давно никто не верил. Поэтому стражники даже не стали его слушать.

– Заезжай на досмотр! – отмахнулся Дитмар. – Туда! Там всё расскажешь монахам, а они проверят! И если соврешь, то я поправлю и вторую половину твоей плутовской рожи!

Для убедительности он показал огромный кулак.

Из второй кибитки неожиданно появилась молодая женщина. Прилично одетая, явно не простолюдинка, хотя и знатной дамой назвать её можно было с натяжкой – хотя бы потому, что знатные дамы путешествуют не с сомнительной компанией в торговом обозе, а в каретах, с кучером, охраной и прислугой. Придерживая по бокам подол длинного бежевого платья, она тоже направилась к стражникам. Загорелый бородач тем временем выгрузил из кибитки круглую плетеную корзину, кожаный узел и поставил их на траву у обочины. Женщина издевательски помахала ему рукой.

– Как твоя щека, Куно? Промой лошадиной мочой, а то может быть воспаление!
Хотя ты мочой каждый день умываешься... Лучше занеси мои вещи в замок!

Куно угрюмо отвернулся.

– Добрый день! – обратилась она к Дитмару, одарив его ослепительной улыбкой. – Мне нужно поговорить с Господином!

Дитмар смерил незнакомку оценивающим взглядом. Высокая, статная, умеет носить хорошую одежду и любезно разговаривать. Возраст определить трудно: замысловато повязанный на голове синий платок скромно скрывал лоб, подбородок и, наполовину, щёки. Только быстрые голубые глаза выдавали молодость и живость характера. И еще кое-что: таких глаз не может быть у некрасивых женщин!

Стражник подтянулся. Он был бы не прочь служить в охране у такой дамы. Тем более раз она спрашивает самого хозяина замка, то принадлежит к высшим слоям общества, хотя и приехала на столь неказистом обозе. Но в жизни всякое бывает!

– Здравствуйте, фрау! Пойдёмте, я провожу вас до ворот!

– Скажите этому прохиндею, чтобы донес мои вещи. Меня он не слушает, но вам отказать не посмеет!

– Да, да, конечно! – Дитмар наставил на Куно алебарду. – Слышал, что повелела дама? Лучше пошевеливайся, пока я не пощекотал твое жирное брюхо!

Тяжело вздохнув, хозяин вновь погрузил вещи в кибитку и повел обоз к замку, колеса простучали по бревнам подъемного моста над заилненным и покрытым ряской рвом, а у распахнутых ворот Куно вновь выставил корзину и узел и проехал дальше, под навес, где располагалась таможня.

Дитмар галантно сопровождал незнакомку к воротам. Там их встретил начальник замковой стражи Раймунд Кёниг – еще молодой, симпатичный человек с мужественным лицом. Доспехи у него были такие же, как и у остальных, только оружие другое: вместо алебарды – меч и кинжал с красивыми рукоятками, да на

шлеме плюмаж из перьев павлина. Держался он как человек, облеченный властью, и выглядел от этого важным и значительным. Гостья повторила свою просьбу.

– Прямо сразу к господину? К самому князю фон Бауэрштейну?! – с явным удивлением спросил офицер. – Вы с ним знакомы? Или у вас есть рекомендательное письмо?

– Пока нет, но...

– Ясно! – не дослушав, ответил главный стражник. – Ожидайте здесь!

Он удалился, а гостья осталась ждать у ворот рядом с вещами, наблюдая от нечего делать, как под навесом молодой монах в чёрной рясе и красном пилеолусе[1 - Пилеолус – облегающая темя шапочка, позволяющая держать тонзуру в тепле.] проверяет содержимое корзины первой кибитки обоза. Хозяин по привычке всё тараторил что-то без умолку, но монах, не обращая внимания, продолжал делать своё дело.

– Разве это старые вещи? – спросил он, растягивая дорогие кастильские кружева. – И это? И это?

Он показывал фарфоровую посуду, бурдюки с вином, какие-то бочки... Монах постарше аккуратно записывал каждый предмет в толстую книгу. Собравшиеся зеваки осуждающе качали головами и хмуро переговаривались.

С каждой новой демонстрацией своих богатств Куно мрачнел, и наконец, обреченно махнув рукой, отошел и сел прямо на землю.

Время тянулось медленно, дама уже устала ждать. Но делать было нечего.

Монах досматривал уже последнюю повозку, когда из ближней к воротам двери вышел строгий пожилой мужчина с небольшой аккуратной бородкой и усами, окинул визитёршу внимательным взглядом и поздоровался. Одет он был не по-монашески: в синий приталенный дублет на шнуровке поверх бордовой рубашки, пышные бордовые штаны с привязью до колен, чёрные чулки и мягкую чёрную шляпу, а на боку красовалась длинная шпага на подвеске, украшенной золотой

вязью.

– Я кастелян[2 - Смотритель замка, управляющий.], – учтиво представился он. – Иосиф Вагнер.

– Очень приятно! А я Клара. Клара Майер. Я еду из Вены.

– Чем могу быть вам полезен?

Клара немного растерянно, как показалось Вагнеру, осмотрелась по сторонам. Неподалеку стояли две любопытные женщины, с интересом рассматривающие таинственную незнакомку, ведущую беседу с управляющим. Прямо под ногами копошились куры, выклевывающие травинки, пробившиеся между булыжников мостовой. Беспородная собака с облезлой шерстью, задрав ногу, справляла нужду на угол здания.

– Можно поговорить в другом месте? – негромко попросила она. – Мне не очень удобно...

– Хорошо! Следуйте за мной! О вещах не беспокойтесь, их никто не тронет!

Они вошли в ту самую дверь, откуда кастелян и вышел. Пройдя по мрачному, плохо освещённому коридору, остановились у серой дубовой двери, напротив которой было небольшое окошко. Рядом с дверью сидел на табурете рыжий долговязый парень в длинной заношенной рубахе, перепоясанной веревкой. При виде кастеляна он вскочил. Вагнер открыл дверь, и полоса яркого света легла на пол коридора.

– Прошу, заходите, садитесь!

В кабинете было светло, через узкое окно с коваными решётками просматривались открытые ворота, возле которых Куно с двумя подручными заканчивали грузить корзины в обоз, готовясь к отъезду.

Женщина присела на жесткий стул и сняла свой платок. Густые рыжие волосы рассыпались по плечам, обравив лицо, которое сразу преобразилось – так старый портрет известного мастера оживает в новой золоченой раме. Клара

Майер оказалась если и не красавицей, то очень привлекательной особой. Вагнер даже рот приоткрыл от удивления – настолько незнакомка изменилась. Сразу стало понятно, что она не должна сидеть на таком грубом стуле и в столь простецкой комнате. Ей больше подошли бы богатые покои Княжеской башни...

– Слушаю вас со всем возможным вниманием, фрау Майер! – управляющий выразился столь витиевато, что сам удивился.

– Я вдова рыцаря, – начала свой рассказ Клара. – Муж по нелепой случайности погиб на турнире, средств к существованию у нас было немного, они закончились очень быстро. Вот я и решила поехать в Рим, к двоюродной сестре...

Она кивнула на окно, за которым кибитки уже выезжали из замка.

– Этот торговец – Куно, любезно согласился меня довезти. А прошлой ночью дождь застал нас в пути. Это случилось совсем недалеко отсюда, но доехать не было никакой возможности – повозки тяжёлые, а лошади вязли в грязи. А Куно... В общем, он начал приставать ко мне, воспользовавшись моей безвыходной ситуацией. Мне пришлось расцарапать ему физиономию и выскочить под дождь, только после этого он оставил меня в покое. Но я сильно промокла, устала и теперь чувствую себя очень плохо. К тому же ехать с этим человеком дальше у меня нет ни малейшего желания...

Управляющий поднялся со стула, лицо его исказилось гневом.

– Я прикажу догнать обоз и наказать этого негодяя!

– Нет, нет! Пожалуйста, не нужно! Я не хочу огласки. Пусть себе едет с расцарапанным лицом, этого с него хватит!

– Добрая у вас душа, – сказал Вагнер. – Но чем тогда я могу вам помочь?

– В Риме меня не очень-то и ждут, так что торопиться некуда... Если бы можно было остаться пожить здесь какое-то время, набраться сил... У меня совсем немного денег, но я обучена грамоте и счёту, и, может, для меня найдется работа...

Управляющий оживился.

- Если вы умеете писать, читать и считать, то можете быть очень полезной для нас! Грамотные люди нужны в канцелярии замка!

- Пожалуйста, проверьте мои способности!

- Потом проверим. Вы не похожи на мошенницу. А сейчас вам нужно отдохнуть. Судя по блеску глаз, у вас начинается жар...

Он позвонил в колокольчик. Рыжий парень немедленно появился в дверях, лицо его выражало готовность к услугам.

- Слушай, Мориц, отведи даму в дом наших служащих и засели в угловую комнату - она самая большая и светлая. Занеси туда вещи, и пусть Гретхен принесет ей завтрак да приберется!

- Хорошо, хозяин! - парень наклонил голову и вышел.

- Идите за моим слугой, он все устроит, - кивнул Вагнер, внимательно осматривая гостью с головы до ног. Подол платья был испачкан грязью, и ей стало неловко за свою невольную неряшливость.

- Спасибо, господин управляющий, - смущённо ответила Клара. - Но... Вдруг мне не хватит денег расплатиться за хорошую комнату...

- Об этом не беспокойтесь, мы не возьмем плату вперед. А вскоре, надеюсь, вы получите аванс за свою работу.

- Но что я должна буду делать?

- Ознакомьтесь с работой канцелярии, проверьте все документы: нет ли неточностей и ошибок. Но делайте это аккуратно: наш счетовод, Рудольф Шустер, очень обидчив и самолюбив. Тем более что его никогда не проверяли: в замке просто нет специалистов такого уровня.

- Я очень постараюсь оправдать ваше доверие! - скромно потупилась женщина.

Иосиф Вагнер ответил благосклонной улыбкой.

* * *

Канцелярия замка располагалась на первом этаже двухэтажного дома, сложенного из больших, грубо отесанных камней, как и почти все другие сооружения замка. Она представляла собой комнату с единственным окном, двумя столами, возле которых стояло по стулу, и тремя рядами длинных полок, тянувшихся друг над другом вдоль боковых стен. Полки были меньше чем наполовину заполнены толстыми стопками бумаг, сшитыми в папки и разложенными странным образом: с десятков папок стояло на нижней полке у левой стены, несколько лежало на средней, и две – на верхней. Аналогичным образом размещались бумаги и справа. Из некоторых папок торчали отдельные листы. Всё это создавало впечатление общего беспорядка.

– Господин Шустер не разрешает мне переставлять бумаги, – поймав и правильно истолковав взгляд новой сотрудницы, пояснила Эмма. – А до верхних, я и не дотягиваюсь.

Клара понимающе кивнула.

– Ничего, вдвоём, я думаю, мы переубедим господина счетовода!

Лицо Эммы выразило сильные сомнения, но продолжить разговор они не смогли: дверь распахнулась, и в комнату вошёл сам Рудольф Шустер, с которым Клара накануне познакомилась в кабинете кастеляна. Это был худощавый пожилой мужчина с редкими, но длинными седыми волосами, постоянно щурящий подслеповатые глаза. Он одновременно являлся счетоводом и начальником канцелярии, но вел себя как ближайший помощник Господина и командир замковой стражи.

– Гм, вы уже здесь, – недовольно произнес он. – Такое трудолюбие, конечно, похвально... Но я совершенно не представляю, какую работу вам поручить – мы с Эммой вполне справляемся и сами! Разве что смахнуть паутину в углах да вымыть полы...

– Я могу уточнить у господина кастеляна свои обязанности, – сказала Клара. Она стояла, опустив руки, и почтительно слушала, тон тоже был мягким и покорным, но счетовод расслышал в нем оттенок угрозы. Он замолчал и в глубокой задумчивости прошелся по комнате взад-вперед. Когда он снова заговорил, недовольство в голосе исчезло.

– Господин Вагнер сказал, что вы будете мне помогать... Раз он так решил, то можете присутствовать в канцелярии. Но имейте в виду, в помощниках я не нуждаюсь: никто в замке не знает лучше меня грамоту и арифметику...

Эмма, похоже, побаивалась начальника: с первых его слов она макнула гусиное перо в чернильницу и принялась аккуратно выводить буквы на листе толстой желтой бумаги. Она работала писарем и занимала специально приспособленный для этого стол: с наклоненной столешницей. Стол же Шустера был обычным. Сейчас на нём лежала пачка бумаг. Перо и чернильница, впрочем, там тоже присутствовали. А кроме того, стояла маленькая бронзовая песочница для посыпания свежих надписей, чтобы, во-первых, не размазать чернила, а во-вторых – помешать подделке подписей методом катания яйца. Впрочем, о втором предназначении мелкого песка обычно догадывались очень немногие. На столе у Эммы такой песочницы не было – правом подписи писарь не обладала, её задачей было лишь правильно и чисто написать то, что продиктовал счетовод либо кастелян. Или перевести черновые записи в чистовой вид. Сейчас она старательно делала вид, что ничего не слышит и не видит.

– И еще имейте в виду, что я люблю точность и дисциплину! И за мой стол садиться никому не разрешаю! – закончил свою речь счетовод.

– Хорошо, господин Шустер, – ответила Клара. – На ваше место я не сяду. И уборка – это не дело помощника счетовода, но если вы прикажете, я с удовольствием позову Гретхен. А раз вам не нужна моя помощь, я займусь самостоятельной работой. Господин Вагнер поручил мне навести порядок в бумагах... Разберусь пока с теми документами, с которыми вы уже закончили. Вы ведь не возражаете?

– У меня и так здесь порядок! Но если господин Вагнер приказал... Как я могу возражать?!

– Вот и хорошо!

Пожилой счетовод раздражённо схватил бумаги со своего стола и молча вышел, громко хлопнув дверью.

– А ты смелая! – восхищённо сказала Эмма. – Шустер сочтет это за дерзость и запомнит навсегда... Он такой... злопамятный!

– Мне нет дела до его привычек, – ответила Клара. – Я приступаю к работе!

Она принялась снимать с полок пачки бумаг, бегло просматривать их и аккуратно расставлять по времени написания и принадлежности: амбарные книги учёта запасов продовольствия – на одну полку, слева направо в порядке от старых к более новым, записи по налогам за провоз товаров – на другую полку, расчётные листы по выплатам работникам замка – на третью, указы князя фон Бауэрштейна – на полку у другой стены...

Некоторые папки в картонных переплетах Клара откладывала на подоконник.

– В этих всё вперемешку, – пояснила она Эмме. – Придётся их расшивать и сортировать каждый документ.

– Я помогу тебе, – ответила Эмма.

За дверью снова послышались шаги со странным звоном, как будто рыцарь в сапогах со шпорами шёл по коридору. Но в комнату вошёл не рыцарь, а невысокий паренёк в шутовской одежде: обтягивающих белых с красными вертикальными полосами чулках, такой же расцветки рубахе и шапочке с колокольчиками, из-под которой торчали чёрные кудри. На завёрнутых кверху носках кожаной обуви тоже было по колокольчику. И лицо разрисовано: черные звезды вокруг глаз, большой, обведенный красной краской смеющийся рот.

– Трепещите, перед вами новый гонец по делам особой важности! – писклявым голосом прокричал он, но кроме смеха это ничего не вызвало. Шут нахмурился, но и это вышло смешно.

– Вот, его величество князь передал это тебе! – протянул он Эмме лист бумаги, испещрённый корявыми буквами с множеством зачёркиваний и исправлений. – Напиши указ, а завтра я заберу его и отнесу для светлейшей подписи...

Стоявшая у окна Клара оторвалась от чтения документов и повернулась. Посетитель с нескрываемым интересом рассматривал её фигуру в просвечивающем на фоне окна белом полотняном платье.

– Я Клара! – улыбнулась она. – А вас как зовут?

– Колокольчик.

– А по-настоящему как? Имя, а не прозвище?

– Карл, – немного растерянно ответил не избалованный серьезным обхождением шут.

– Карл, нам сюда очень нужна небольшая лестница, чтобы доставать до верхних полок... Не могли бы вы нам с этим помочь?

– Хм, – удивился Колокольчик. – Обычно меня просят только смешить людей. И сюда меня послали для смеха! Но я, пожалуй, смогу попросить плотника... А если не захочет, – ударю челом Господину, и он даст команду!

– Как любезно с вашей стороны! – всплеснула руками Клара. – Спасибо!

– Да ладно, – смущённо ответил Колокольчик. Сейчас он не чувствовал себя шутком, и это было непривычно. Но приятно. Ощущать себя человеком – совсем не то, что паяцем...

– Завтра зайду за указом, может, к тому времени и лестница уже будет готова...

Круто развернувшись и придерживая колокольчики на своем колпаке, он вышел. Клара заметила, что молодой человек даже покраснел.

– Теперь я помогу тебе, Эмма, не возражаешь? – спросила она, просматривая принесенную Колокольчиком бумагу. – Здесь много ошибок, их нужно исправить...

– Исправлять Господина нельзя! – пришла в ужас Эмма. – Мой муж стражник, он говорит, что все, что решил князь, и все, что он сделал, – это и есть правильно!

– Не бойся. Скорей всего, это писал не Господин, а его слуга. Может быть, наш друг Колокольчик... А если ошибки в своем указе увидит князь, то его гнев падет на твою голову...

И поскольку растерянная Эмма опустила глаза и молчала, Клара стала быстро и уверенно выправлять документ.

– Ты можешь переписать начисто, как хочешь: с исправлениями или без! – сказала она, закончив работу. – Я не хочу, чтобы ты рисковала из-за меня!

Эмма ничего не ответила, но, как потом выяснилось, переписала указ со всеми исправлениями. И, как положено, передала на проверку Шустеру, а тот сопоставил чистовик с черновиком и молча выбежал из канцелярии. А через полчаса Клару вызвал Иосиф Вагнер. По дороге к управляющему она очень волновалась: самовольство младшего персонала нигде не приветствуется, а вмешательство в документ Господина может быть наказано очень строго!

Но кастелян не выглядел разгневанным, скорей торжественно-праздничным. На нем был новый вельветовый жилет серого цвета, белая рубаша с расширенными от плеча до локтя рукавами, кружевами на запястьях и кружевным воротником жабо. На толстой золотой цепи висел круглый медальон с изображением Маутендорфа – знак власти высших чиновников замка. На голове – серый берет с белым пером. В таком наряде он вроде даже помолодел. За недолгое время знакомства Клара знала, что в кабинете Вагнер не надевает ни берет, ни цепь. Значит, он нарочно приоделся, чтобы произвести впечатление! И не трудно было догадаться – на кого...

Хозяин кабинета любезно встретил новую сотрудницу, предложил сесть. Это тоже было хорошим знаком.

– Колокольчик наделал много ошибок в важном указе, который диктовал ему Господин, – откинувшись на покрытую оленьей шкурой спинку кресла, Вагнер поднял двумя пальцами коряво исписанный, исчерканный листок. – Эмма ведь не сильно образованна, ее достоинство – только прекрасный почерк... И, если бы она точно переписала черновик, ее бы пришлось высечь! Но кто-то ей помог... И этот «кто-то» прекрасно знает грамоту! Благодаря этому указ получился и красивым, и правильным! Смотрите!

Он показал исписанный каллиграфическим почерком лист с подписью князя фон Бауэрштейна и сургучной печатью под ней.

– Я даже сам зашел к Господину и подписал документ, чтобы не возникло никаких вопросов. Ведь Шустер пришел ко мне с доносом на вас, и я счел необходимым исключить кривотолки...

– Большое спасибо, господин Вагнер!

Кастелян встал, обошел стол и неожиданно погладил Клару по покрытой платком голове, даже поправил выбившуюся прядь волос. Это была вольность! И не просто вольность – дерзость! Все равно, что ущипнуть подавальщицу в трактире за ягодицу... Но одно дело простолоудинка, а другое – вдова рыцаря! Женщина чуть отстранилась и замерла, не зная, как себя вести. Тем временем управляющий наклонился и горячо прошептал в ее маленькое ушко:

– На будущее вам стоит знать: Господин никогда не диктует документы шуту! И никому другому! Он всегда пишет сам! Но об этом сейчас лучше не говорить. А в дальнейшем воздерживайтесь от неосмотрительных поступков! Вы меня поняли?

– Да, господин Вагнер! Вы так добры ко мне...

– Ну и прекрасно! – кастелян выпрямился. – Осталось высечь безграмотного шута и предать забвению происшедшее!

– Ой! Я прошу пощадить этого несчастного юношу! У него, несомненно, большое и доброе сердце! Он не виноват, что его не научили грамоте...

Кастелян усмехнулся.

– Нет, это у вас доброе сердце! Кажется, я уже говорил вам об этом...

Он помолчал, задумавшись.

– Ну, ладно... Доброта вещь заразная, как и злоба. Мне тоже вдруг захотелось быть добрым и милосердным...

Вагнер еще раз погладил Клару по голове и вернулся на свое место.

– Что ж, фрау Майер, пусть Колокольчик на этот раз избежит порки. Возвращайтесь в канцелярию и постарайтесь не злить Шустера. Хотя он и так зол на весь мир... А с вами мы еще поговорим: о доброте, о родстве душ, о правде и справедливости...

Потупившись, Клара поклонилась и вышла из кабинета. Она поняла, что управляющий замком, как говорится, «положил на нее глаз»... И пока не решила – радоваться ей или огорчаться...

* * *

После снежной зимы запасы продуктов уменьшились, а любая крепость должна иметь стратегический запас провианта на случай осады. Вот и наступил период весенних заготовок. С утра крестьяне из деревни загнали в Маутендорф стадо баранов на продажу – животные заполнили узкие улицы, толпились на перекрестках, громко блеяли, бодались, бесцеремонно лезли во все двери и калитки, внося шум и сумятицу в жизнь замка. Их быстро разбирали. Часть резали на мясо, часть загоняли в овчарни, а некоторых поднимали лебедкой в донжон, где им предстояло существовать в качестве живых консервов до осады или до следующего года, когда отощавшие «консервы» заменят свежими...

Постепенно улицы разгрузили, и в замок стали заезжать скопившиеся у ворот всадники – челобитчики князю, купцы, проповедники, странствующие рыцари, родственники жителей и прочая разношерстная публика, среди которых могли быть и разбойники, и разыскиваемые убийцы, и беглые каторжники, и профессиональные картежники, и другие сомнительные личности.

Человек, который заехал в замок после полудня, не выглядел подозрительным. Конь хорошей породы, но с выступающими ребрами, явно давно не видел достойного корма. Сам всадник с худым лицом, на котором выступали резкие скулы и острый нос, уверенно сидел в седле, а судя по выпрямленной спине и гордому взгляду, он знавал и лучшие времена в жизни. Одет он был в простую, но удобную для путешествий и охоты одежду: удлиненную коричневую куртку с разрезом сзади, такого же цвета широкие штаны из прочной ткани, черную шляпу с широкими, залихватски заломленными полями.

С первого взгляда можно было подумать, что это не очень удачливый торговец или бесприютный скиталец, но кольчуга под курткой, меч на боку, притороченные к седлу шлем, нагрудник и арбалет доказывали ошибочность такого предположения. Свободный человек благородного происхождения имеет право носить меч, но если он не посвящен в рыцари, то меч должен висеть на седле, отличая его от простолюдина, а тем более от серва[3 - Серв – крестьянин, находящийся в материальной, долговой и иной зависимости от феодала, почти крепостной.]. Только рыцарь опоясывается мечом, и может носить его на поясе. Поэтому, по здравому размышлению, в незнакомце можно было определить благородного рыцаря из древнего, обнищавшего рода. Хотя и такое предположение могло быть обманчивым.

Не вступая ни с кем в разговоры, он быстро нашел то, что искал. Наверное, самым оживленным местом Маутендорфа, средоточием встреч, бесед по душам и незатейливых мужских развлечений для многих являлась не просто центральная площадь, а расположенное на ней, неприметное с виду двухэтажное здание таверны «Единорог». Всё в мире относительно. Если замку исполнилось пятьсот лет, то таверна, можно считать, была построена недавно, хотя её бревенчатые стены уже успели потемнеть и пережить, как минимум, несколько поколений бывавших здесь людей. На первом этаже располагалась харчевня, на втором – комнаты для постояльцев. «Единорог» выгодно отличался от придорожных кабаков качеством и разнообразием блюд, а невыгодно – их стоимостью.

Правда, хозяин «Единорога» – пожилой перс по прозвищу Горбонос, осевший в замке лет двадцать назад, для местных жителей всегда делал приличные скидки, иначе бы они к нему просто не ходили. Зато заезжих торговцев он обдирает безбожно, деваться-то им некуда: в селе неподалёку харчевня тоже есть, но с вечно пережаренным мясом, разбавленным пивом и огромными крысами, снующими под ногами.

Высокий жилистый Горбонос был здесь и шеф-поваром, и главным распорядителем. Но в последнее время он всё больше руководил, а пищу готовил его помощник, молодой светловолосый паренёк по имени Тиль, сын посудомойки – любовницы Горбоноса Терезы, вдовы почившего два года назад от холеры лекаря. Были здесь ещё официанты, в разное время один или два, но менялись они так часто, что распорядитель не успевал запомнить их имена. Но порядок он наводил железной рукой. «Крыс у себя не потерплю!», – каждый раз говорил Горбонос очередному увольняемому разгильдяю, выворачивая его

карманы и отбирая припрятанные чаевые. Он следил и за качеством блюд, но большую часть времени проводил, наблюдая за залом и ведя беседы с посетителями. Многие считали перса очень информированным и влиятельным человеком – действительно, нередко к нему обращались по делам, не связанным с качеством пищи, обслуживанием, да и вообще не имеющим отношения к «Единорогу». И, как ни странно, он их успешно улаживал!

К Горбоносу и появился прибывший незнакомец, который назвался Куртом. Сняв отдельную комнату на три дня и жадно пообедав, новый гость за кувшином ячменного пива громко рассказал шеф-повару, да и всем, кто хотел его услышать, что зарабатывает на жизнь сопровождением путников по опасным лесным дорогам и охраной их от разбойников. А потому если нуждающиеся в его услугах появятся, то могут обращаться к нему в любое время. Но желающих ехать куда-то под охраной не нашлось.

Правда, неожиданный заработок Курту все же подвернулся: Горбонос нанял его зарезать и освежевать трех только что купленных баранов. Это поручение Курт исполнил сноровисто, быстро, умело. Тиль ему помогал, а потом возбужденно сообщил отцу:

– Видно, этот парень зарезал людей больше, чем баранов, уж больно ловко у него все получается! Сразу видно – привык кровь лить!

Горбонос только почесал в затылке: бывалый и опытный, он уже и сам понял, что новый постоялец не такой простой, как кажется на первый взгляд. Вечером он пригласил Курта на совместный ужин под предлогом отблагодарить за работу, а на самом деле – с целью лучше узнать незнакомца и сойтись с ним поближе. Они сидели за хозяйским столом, в полутемном углу зала, где лица собеседников трудно различить, а еще труднее разобрать, о чем они говорят. Официант принес свежую жареную баранину и шнапс, который уже прочно вошел в меню «Единорога».

– Вот, Курт, это тебе за баранов! – Горбонос высыпал на клеенку несколько монет. – Ловко ты с ними сработал! Сразу видно, что повоевать пришлось!

Курт мрачно усмехнулся.

– Баранов резать – это не воевать! А воевать – не баранов резать! Хотя что пришлось, то пришлось, тут ты прав!

Он опрокинул рюмку и закусил мясом. Потом собрал монеты и высыпал в тощий потертый кошелек. Горбонос обратил внимание, что он почти пуст.

– Вижу, честным мечом ты не добыл богатства!

– Так всегда бывает, – Курт налил себе, снова выпил и закусил. – Но оружие важнее денег: им можно добыть и деньги, и одежду, и еду, и все остальное!

– По тебе, однако, этого не скажешь, – вздохнул Горбонос. – И послушай меня: сопровождением путников на жизнь не заработаешь! У нас не так много разбойников. А еще меньше желающих платить за охрану. Каждый надеется на себя, на своих слуг и на счастливый случай...

– Только счастливые случаи встречаются куда реже, чем разбойники! – меланхолично ответил Курт, продолжая с аппетитом есть и с удовольствием пить.

– Зато ты можешь поступить в замковую стражу! – понизив голос для большей доверительности, предложил Горбонос. – Стражники требуются всегда. Их часто выгоняют за непригодность, или пьянство, или что-то еще...

Курт выпрямил и без того прямую спину и высокомерно посмотрел на хозяина «Единорога».

– Мне поступать в стражники?! Да у меня самого всегда были и стража, и слуги! Только в последнее время Фортуна отвернулась, – он выпил очередную рюмку и отправил в рот очередной ломоть баранины.

– И ты уверен, что она снова повернется к тебе лицом?

– Не знаю. Но мне нравится и ее зад! – Курт оглушительно захохотал. – Спасибо за угощение, друг! У меня был нелегкий день, и, пожалуй, я отправлюсь спать. И если кому-то понадобится охрана в пути, то не надо меня будить: пусть подождут до утра...

– Хорошо, – не выдавая разочарования, кивнул Горбонос. Его затея не удалась: гость съел мясо и выпил шнапс, но не рассказал о себе ровно ничего. Да и ближе они не стали ни на йоту. Даже не поболтали задушевно о жизни! Единственной пользой от их общения стало то, что хозяин дал своенравному постояльцу прозвище: «Бедный рыцарь». Ему показалось, что оно идеально соответствует незнакомцу.

Но оказалось, что застолье еще не закончилось: размякший от еды и выпивки Курт не спешил уходить. Он осмотрелся и обратил внимание на странного худощавого человечка с большим носом, сидящего за столом в углу. Тот был в черном плаще и остроконечной черной шляпе конической формы – так одеваются придворные звездочеты. Он не ел, не пил, а что-то писал, макая перо в переносную чернильницу.

– Кто это?

Горбонос проследил за его взглядом.

– Это Додо, летописец князя. Наш Господин хочет, чтобы его правление было подробно описано и сохранилось в веках. Вот он и нанял Додо. Ты сможешь встретить его в самых неожиданных местах замка или его окрестностях. Очень часто он сидит здесь, я иногда угощаю его выпивкой – пусть и меня опишет! Я тоже хочу остаться в веках! – Горбонос засмеялся. Было непонятно: шутит он или говорит всерьез.

Курт откинулся на спинку стула и, в упор разглядывая Горбоноса, неожиданно спросил:

– А почему, говоришь, у вас часто выгоняют стражников?

Хозяин взмахнул рукой, и Тиль принес еще кувшин шнапса.

– У нашего Господина особые требования! Ведь в стражу обычно берут простых деревенских парней. Они ничего не умеют: ни фехтовать, ни биться на алебардах, ни стрелять из арбалета. Их, конечно, учат, но для них военные знания – как буквы для неграмотного. В других замках такие и служат, а у нас их выгоняют. Остаются те, кто посообразительней, не слишком пьянствуют и способны научиться ратным премудростям. Господин Кёниг ставит во главе

групп опытных стражников, возрастом постарше, которые уже успели повоевать и имеют навыки солдат. Это и есть костяк замковой стражи! Кстати, за особые требования нашим и платят больше, чем в других местах. И отряд стражников у нас вдвое больше, чем в Моосхаме или Неймотервице!

– Так это уже княжеское войско, а не замковая стража! – заметил Бедный рыцарь. – А что, тут случаются боевые схватки?

Горбонос покачал головой.

– Давненько не было. Но вот сейчас в замке объявился волк... Многие думают, что это оборотень... Кто должен его найти и насадить на алебарду? Стражники! Однако, волк до сих пор жив и наводит ужас на людей...

– Да, это никудышняя работа, – с осуждением кивнул Курт. – Такая армия, и не может справиться с волком!

Они выпили, как и раньше – каждый сам по себе.

– А можно остаться в замке жить? – неожиданно спросил Бедный рыцарь.

Хозяин «Единорога» повторил отрицательный жест.

– В деревне можно. Она рядом и называется так же, как замок. Но там простая работа: рубить лес, распахивать поля, разводить скот. Вряд ли это тебе подойдет... А здесь может поселиться дворянин с рекомендациями, родственник Государя, жена или муж постоянного жителя, офицер стражи, хороший специалист... Вот недавно взяли в канцелярию даму из Вены – она знает грамоту и счет. К тому же она красивая, и болтают, что управляющий Вагнер имеет на нее виды...

Курт громко засмеялся.

– Держу пари, что на меня тут никто не имеет видов... Да, пожалуй, и во всем мире!

– Тогда ты имеешь право временно жить в «Единороге», пока у тебя есть чем платить.

– Есть оружие, будут и деньги! – снова захохотал Бедный рыцарь. Он был изрядно пьян.

– Твой кошелек не подтверждает эту поговорку!

Но Курт не был настроен продолжать разговор. Он молча встал и, не прощаясь, ушел в свою комнату.

* * *

С каждым днём, по мере того как Клара вникала в дела канцелярии, она всё больше и больше находила то ли арифметических ошибок, то ли небрежностей, то ли злонамеренных искажений. Например, шесть, пять и восемь мешков соли, погруженные в телегу, непостижимым образом превращались в пятнадцать... Иногда в повозку грузили двадцать три или даже двадцать пять мешков, хотя больше двадцати в нее физически не поместятся. Из любопытства она заглянула в запись проверки обоза Куно, который и привез ее в Маутендорф. Оказалось, что в четырех кибитках таможенники насчитали тридцать корзин, хотя она знала – в каждой было девять... Эти записи вел помощник счетовода монах Алоиз, но Шустер тщательно проверял его работу. Во всяком случае, со стороны казалось, что он даже придирался, устраивая Алоизу выволочки по куда меньшим поводам.

Пока об этом Клара никому не говорила, только делала одной ей понятные записи на листе, который всегда держала при себе. Лишь однажды сообщила Грете, которую в замке называли «хранителем чистоты», хотя работа у нее была совсем не из чистых, что ей не доплатили девять грошенов. Подметальщица обратилась по этому поводу к кастеляну, и после недолгой проверки справедливость была восстановлена.

В знак благодарности Грета испекла для своей благодетельницы очень аппетитный румяный пирог с грибами. Клара тут же объявила, что с удовольствием его отведаст, но Эмма и Грета должны разделить с ней трапезу.

– Такой огромный, одна я с ним не справлюсь! – объяснила она. – А втроем и еда вкусней, и обедать веселей, заодно и поболтаем... Тем более что господин Шустер уехал куда-то на целый день.

– А у меня как раз кринка молока с собой! – воскликнула Эмма. – Штефан спит после дежурства, так молочница мне сюда принесла. Свежайшее, утренней дойки!

Эмма явно обрадовалась: она жила в деревне и не любила ходить домой обедать, ибо дорога в оба конца занимала почти час, а муж обычно отдыхал после бессонной ночи либо уходил в лес – охотиться или за грибами, поэтому она только ужинала и завтракала вместе с супругом. Грета обрадовалась еще больше: такое внимание со стороны вышестоящих было для нее совершенно непривычным, в ожидании назначенного часа она вылетела из канцелярии как на крыльях. Очевидно, от нее новость о предстоящем общем обеде распространилась по замку, и совершенно неожиданно в канцелярию заглянул начальник стражи Раймунд Кёниг.

Всегда уверенный и решительный, сейчас он держался немного скованно.

– Здравствуйте, фрау Майер! Хочу угостить вас плодами своей охоты, – он положил на стол круг оленьей и круг кровяной колбасы.

Клара тоже смешалась. Кёниг ей нравился. Настолько, что нравилось даже его оружие – меч и кинжал, явно сделанные на заказ.

– Спасибо, господин Кёниг, – тихо проговорила она. – Может быть, вы согласитесь пообедать с нами?

– К сожалению, не могу – служба! Я должен обойти посты, – торопливо сказал начальник стражи и откланялся.

Эмма засмеялась.

– Такого никогда не было! Не удивлюсь, если сейчас кто-нибудь принесет нам целого оленя! И уж конечно, не ради моих прелестей...

Вошедшая Грета ничего не понимала и растерянно хлопала глазами.

– О! А откуда взялась колбаса?

– Хватит болтать! – резко пресекла их Клара. – Лучше займитесь делом!

Подавая пример, она ловко разложила на столе счетовода чистую белую тряпицу вместо скатерти и принялась осторожно разрезать мягкий пирог канцелярским ножом, ее товарки быстро нарезали колбасы.

Словно учуяв вкусный запах, в канцелярию зашёл Колокольчик. Впрочем, он и без того стал заходить сюда гораздо чаще, чем раньше. Казалось, шут специально находит поводы, чтобы поделиться свежими новостями, многие из которых он узнавал одним из первых благодаря близости к князю и его семье: целые дни он проводил в их жилой башне и даже спал там – в цокольном этаже.

А Кларе он явно симпатизировал и был благодарен за заступничество, позволившее избежать порки. К тому же Клара являлась самой заинтересованной слушательницей: она не забывала картинно удивляться его осведомлённости и рассыпаться в благодарностях за выполнение маленьких просьб. Лестницу, кстати, он действительно принёс уже на следующий день, показав, что и шут может держать слово. Впрочем, Клара, а за ней и Эмма, не считали его шутком, что особо привлекало молодого человека в их компанию.

– Ты как раз вовремя, Карл! – искренне обрадовалась Клара, обводя рукой богатый стол. – Смотри, какое у нас угощение!

– Красивое! А мне достанется кусочек?

– Если будешь хорошо себя вести! – рассмеялись Эмма и Грета.

– Я стараюсь. Вот сегодня отнес важное письмо Господина управляющему Вагнеру. А тот послал Шустера отвезти его в Моосхам...

– В замок ведьм?! – воскликнула Эмма.

– Ну да, так его называют. А чего ты испугалась?

– Да так, ничего, – смешалась Эмма и свела все к шутке. – Надо было предупредить господина Шустера, чтобы ведьмы его не утащили! Или наоборот, попросить ведьм, чтобы они забрали его навсегда!

– Не болтай! – перехватив напряженный взгляд Греты, сказала Клара и, чтобы сменить тему, обратилась к Карлу:

– Какая колбаса тебе больше нравится, дружок?

– Мне все нравится! – ответил тот с набитым ртом. – Я никогда не ел такого вкусного пирога и не пробовал таких замечательных колбас! У меня ведь бедные родители да восемь братьев и сестер – не всегда удавалось поесть досыта, а мяса не было даже по праздникам...

– Но сейчас-то тебе не приходится голодать?

– Нет, каши всегда хватает. Да иногда удастся перехватить кусок со стола Господина... Но это редко – челяди в княжеской башне много... Они расклеивают остатки еды, как стая ворон – останки воинов на поле боя... Раз, два, три – и остались только кости!

Карл вздохнул.

– Когда меня взяли в замок, все в деревне завидовали, да и родители думали, что я буду каждый день есть мясо, да еще в семью приносить...

– А сколько тебе лет, мой друг? – участливо спросила Клара.

– Шестнадцать.

– Ничего, Карл, ты еще молод, а раз уже работаешь в замке, то обязательно продвинешься вверх и заживешь хорошо! – ободрила она его.

– Благодаря вам я сегодня живу лучше, чем вчера! – улыбнулся молодой человек, откидываясь на спинку стула и глядя себя по животу. – Я уже давно так не наедался, да еще столь вкусными яствами!

Трапеза закончилась в молчании – торопились успеть до возвращения Шустера. Когда пирог был съеден, Грета свернула тряпицу, ещё раз поблагодарила Клару и ушла.

– Мне тоже пора! – с сожалением сказал Колокольчик. – К Господину должны приехать гости, и я буду играть им на лютне и свирели. Ну, и смешить, конечно!

– Возьми это с собой, – Клара завернула ему кусок оленьей колбасы. – И заходи завтра, поболтаем!

– Обязательно, – кивнул шут. – Мне с вами хорошо, как будто я в свою семью вернулся... Ладно, пойду...

Карл вышел и вскоре удаляющийся звук бубенцов затих.

– Мне показалось, или он улыбнулся? – спросила Эмма.

– Не знаю. Показалось, наверное.

– Слушай, а ты просто завораживаешь мужчин! И господин Вагнер не сводит с тебя глаз, и Кёниг, а особенно Колокольчик! Он раньше был угрюмым и раздражительным, а теперь...

Клара едва заметно улыбнулась. Не только мужчин! Она установила добрые отношения со многими жителями замка: кому-то помогла в работе, кому-то дала житейский совет, кому-то подсказала, как вести себя в ссоре с мужем... Людям было интересно общаться с дамой, приехавшей в это захолустье из самой столицы, и они тянулись к ней: ведь и по уму, и по воспитанию, и по жизненному опыту она намного превосходила всех местных, но при этом держалась с ними просто и доброжелательно. А ведь она жена рыцаря, вращалась в высшем свете Вены и даже бывала при дворе императора! Конечно, с ней было интересно поговорить! Хотя сама она не любила много рассказывать, зато была благодарной слушательницей, поэтому ей несли новости, сплетни, семейные проблемы, которых особенно много было у жен стражников, работа которых располагала к грубости и пьянству в быту... И каждой она давала дельный совет. За короткое время Клара уже вошла в курс всех дел, которые творились в замке и его окрестностях. Теперь и с Колокольчиком у нее наметились отчетливые зачатки дружбы...

- Эх, Эмма, когда работа шута - смешить других, то в свободное время не до веселья! - как всегда разумно ответила она. - А если относиться к нему как к человеку, то и настроение будет другим...

- Это правильно, ты молодец! - от избытка чувств Эмма даже обняла ее. - Ты всегда даешь такие хорошие советы! Когда я пригрозила, что напишу челобитную князю, Штефан сразу притих и перестал поднимать на меня руку! И даже в огороде стал помогать, когда свободен от дежурства!

- Кстати, а что ты так вскрикнула, когда Карл упомянул «замок ведьм»?

- Да так... Нехорошее место, - Эмма отвернулась.

- Не хочешь говорить? Тогда не надо...

Эмма помолчала. Но ведь и она была обязана Кларе. За ошибки в указе Господина ее тоже могли высечь, да и мужа умная женщина помогла приструнить...

- Да нет, от тебя у меня секретов нет. К тому же многие об этом болтают...

- О чем?

Эмма перешла на шёпот.

- Не знаю, правда или нет... В общем, говорят, что князь Моосхама большой любитель красивых женщин...

Клара усмехнулась.

- Все мужчины таковы...

- Но не все обвиняют в колдовстве отказавших ему красоток! Их предают суду и назначают серьёзные наказания, вплоть до смертной казни!

- От кого ты такое слышала? - удивилась Клара. - Может, врут?

– Не знаю, кто-то рассказал мужу, а он мне... Но я в это верю. Слишком много там ведьм – почти каждый месяц судят! А у нас ни одной! Потому что у нашего князя нет такой привычки... А тот вдобавок утаивает часть собранных податей...

Эмма осеклась.

– Ой! Только ты никому не говори! Может, и врут, конечно...

– Не волнуйся, я не болтунья! – и чтобы завершить разговор о «замке ведьм», Клара сменила тему.

– А твоему мужу нравится служба?

– Да, – кивнула Эмма. – Конечно, он не всегда и не всем доволен, но жалование стражников у нас выше, чем в других замках. И численность отряда больше. Где он еще найдет такую работу?

– Да, действительно... Никогда бы не подумала, – наивно удивлялась Клара.

А Эмма старалась удивить ее еще больше.

– Можешь спросить у Греты. Ее свояк тоже стражник, и он рассказывает то же самое: Господин создал большую и сильную стражу, которой хорошо платит...

На этом разговор закончился, и каждый занялся своим делом: Эмма принялась писать очередной документ, а Клара – изучать записи счетовода.

К концу дня вернулся Шустер. Он был доволен поездкой, весел и рассказывал, как хорошо его принимали в соседнем замке, как местный счетовод консультировался с ним по сложнейшим вопросам делопроизводства, как ценит его не только князь Маутендорфа, но и другие князья Зальцбургского округа.

Клара сдержанно порадовалась за начальника и вежливо попрощалась. Рабочий день закончился.

Поздно вечером у себя в комнате, плотно завесив окна и поставив на стол восковую свечу, Клара села писать письмо:

«Сведения о тайных замыслах Лебедея подтвердились. Под видом стражи он создал собственную армию. Причастность Ворона пока не установлена. Однако он скрывает подати и казнит неуступчивых женщин. Разведку продолжаем. Рысь, Орел.»

Когда она писала последние строки, первые стали бледнеть и исчезать. Так и должна себя вести смесь сока бузины и желчи древесной жабы. Вскоре на столе лежал чистый лист. Если его нагреть, буквы проступят снова. Ну, а пока...

Клара аккуратно отрезала невидимое письмо, свернула в трубочку и засунула в тростинку. Отщипнув кусочек специально приготовленной мокрой глины, она запечатала открытые концы и положила контейнер сохнуть на подоконник. Завтра толстый торговец беличьими шкурками, по совместительству агент Тайной стражи, повезет его в Вену.

* * *

Курт прожил в «Единороге» три дня и продлил проживание ещё на столько же. Вел он себя ровно и спокойно, ничем не привлекая внимания. Днем он обходил замок, заглядывая во все углы и потайные места, сходил в деревню, посидел в таверне с бегаящими крысами, поболтал с хозяином и посетителями, отведал тамошнего мяса, которое не показалось ему пережаренным, зато понравилось своей дешевизной. Несколько раз ездил по окрестностям, «чтобы конь не застоялся», вечерами играл с Горбоносом и его гостями в кости и слушал их беззаботную болтовню. В игре ему везло, так что, можно сказать, что жил он на выигранные деньги. Правда, желающих нанять его в охрану не находилось, и завсегда и даже заключали пари: найдет он себе привычный заработок или нет.

Вместе с тем, все заметили, что при появлении в зале этого молчаливого человека, пьяные становились трезвее, дерзкие – смирнее, крикливые – тише. Один его взгляд успокаивал расходившегося дебошира и присмирял шумную компанию. И это при том, что Бедный рыцарь не отличался богатырским телосложением и в таверне не носил с собой меч. Наверное, причина заключалась в том, что от него исходила непоколебимая уверенность,

основанная на скрытой силе, которую даже отмороженные типы безошибочно ощущают и не желают испытать на себе.

Но, как известно, есть живые существа, не обращающие внимания ни на чью силу, кроме своей собственной, которую нередко переоценивают. Такими и были трое смуглых чужаков, заехавших в замок на пару дней под предлогом перековать коней перед дальней дорогой. Они были похожи на итальянцев, но говорили на разных языках и производили впечатление бывалых путешественников, немало поездивших по свету. Хотя они приехали в нагрудниках, шлемах и с оружием, что-то отличало их от настоящих рыцарей. Может быть, отсутствие слуг и оруженосцев, может, развязные манеры и другие мелочи, на которые даже Горбонос обратил внимание.

– Шпоры у них не рыцарские, – скривившись, сказал он Курту. – И мечи слишком длинные.

И это была правда: такими мечами хорошо отгонять безоружную толпу или слугам сдерживать врагов вокруг упавшего господина. Но для рубки с коня или пешего боя они неудобны и часто цепляются за землю...

Вели себя незваные гости по-хозяйски, если не сказать – вызывающе: потребовали три большие комнаты и обед, пообещав расплатиться вечером. Трех больших комнат в «Единороге» отродясь не имелось, и они с явным неудовольствием согласились занять то, что было – одну маленькую и одну среднего размера. Вопреки своему правилу, Горбонос, чтобы избежать скандала, заселил их и накормил обедом в долг, но, понимая, что этим дело не ограничится, послал Тиля за стражниками.

Главное началось после обеда: приезжие затеяли игру, в которой с интересом приняли участие почти все посетители «Единорога». Светловолосый парень с усами и бородой поставил на стол три перевернутые кружки, положил под одну небольшой шарик, быстро поменял кружки местами и предложил угадать – под какой находится закладка. Казалось, что все очевидно и отгадать, где находится шарик, очень легко, но оказалось, что это не так. Один игрок за другим проигрывали. Светловолосый собирал монеты и подмигивал своим друзьям, которые стояли по обе стороны от него и весело приглашали желающих сорвать куш.

– Так всегда бывает! – громогласно объяснял коренастый крепыш. – Вначале проигрываешь, а потом как поперет удача!

– А давайте я попробую! – вмешался третий – костистый высокий мужчина с глубоко запавшими глазами, и ткнул пальцем в кружку. – Вот он, под ней!

Светловолосый бородач поднял кружку – и действительно: неуловимый шарик там и оказался. Костистый получил свой выигрыш и довольно захохотал. Игра продолжалась, но на этом удача закончилась: больше никто выиграть не сумел. Проигрыши сыпались один за другим. Толпа роптала.

– Тут что-то не так! – закричал розовощекий толстяк, который приехал за солью.

– Точно, это обман! – поддержал его товарищ.

– Какой обман, если он только что выиграл! – возмутился бородастый.

– А вот какой! – толстяк взмахнул деревянной дубинкой и разбил все три кружки вдребезги. Но среди глиняных черепков шарика не оказалось!

– Мошенники!

– Жулики!

– Да вот он, на пол упал...

– Это ты из рукава его скинул!

– Бей их!

Вспыхнула драка, которая была в «Единороге» не редкостью, так же, впрочем, как и в окрестных тавернах. Но обычно в ход шли только кулаки и серьезных последствий не наступало, зачинщиков сдавали стражникам, и они получали по заслугам. Сейчас тоже началось с кулаков, но когда толпа вытеснила мошенников на площадь, те выхватили мечи и желающих разобраться с ними явно уменьшилось. Правда, наконец-то подоспели двое стражников с грозными криками: «Именем князя Бауэрштейна сложите оружие и покоритесь княжеской

воле!» Но их приказ остался гласом вопиющего в пустыне. А когда они выставили вперед алебарды, чужаки не только не подчинились, но и набросились с оружием на представителей княжеской власти.

Так, на центральной площади начался настоящий бой: звенели мечи, раздавались крики и ругань, падали и снова поднимались дерущиеся. Такого в Маутендорфе не случалось уже давно. Причем нарушители спокойствия были настроены очень серьезно, хотя ничего такого, что оправдывало бы их действия, ведущие прямо на эшафот, не произошло. Костистый, с запавшими глазами, похожий на скелет чужак ударил стражника мечом по голове, причем не плашмя, а лезвием, то есть с явным намерением убить. Слугу закона спас шлем: клинок скользнул по гладкой стали и был отведен алебардой, ответный выпад едва не пронзил Скелета, но тот успел отпрыгнуть, и острие только поцарапало нагрудник. Коренастый крепыш рубанул по груди второго стражника с такой силой, что оставил вмятину на выпуклой пластине. Опасные удары сыпались на стражников один за другим, и, если бы не латы, оба уже отправились бы к праотцам. Но жесткий натиск нарушителей закона умерил их пыл, и они обратились в бегство, грозясь привести подкрепление. Троица чужаков, потрясая мечами и сквернословя, праздновала победу.

Но тут в дело вмешался Бедный рыцарь, которого шум и гам оторвали от законного послеобеденного отдыха. Он уже давно стоял у входа в таверну, скептически наблюдая за происходящими событиями, но когда понял, что явное зло взяло верх над относительным добром, решил внести поправку в такую несправедливость. Поскольку он, по своему обыкновению, вышел без оружия, то одолжил меч у одного из зевак, после чего учтиво предложил чужакам бросить клинки, освободить комнаты и отправиться в хлев к свиньям, среди которых им самое место.

Агрессивной троице доброе предложение почему-то не понравилось, и они все втроем набросились на дерзкого парня, подтвердив тем самым, что не относятся к славному рыцарскому сословию, среди которого принято выходить биться с противником один на один.

Впрочем, численное превосходство нападающих Бедного рыцаря не смутило – он сделал несколько движений, похожих на бальный танец гальярда, которым обычно открывались придворные балы: шаг в сторону, в другую, поклон, пируэт... Может быть, строгий танцмейстер отметил бы неправильную последовательность и недостаточную четкость па, но в данной ситуации это уже

явилось бы чрезмерной придирчивостью, ибо цель была достигнута. Нападающие сшиблись между собой, и их оружие, вместо того чтобы поразить наглеца, ударилось в дружеские доспехи, и это было еще удачей, ибо острие клинка светлородого воткнулось в незащищенное предплечье крепыша, и тот, вскрикнув, уронил зазвеневший о булыжник меч и схватился за окровавленную руку.

В следующее мгновение, продолжая свой танец, Курт оказался лицом к лицу со Скелетом и резким круговым движением выбил у него меч, отлетевший почти на середину площади. Удар плашмя по уху сбил Скелета с ног, и он, с грохотом и звоном опрокинувшись на булыжную мостовую, так и остался лежать, бессильно раскинув руки и ноги.

Остался один светловолосый, биться он уже не хотел, и неудивительно: сейчас его бегающие глаза, испуганный вид и свалывшаяся бороденка делали его похожим на козла, а кто и где видел сражающегося на мечах козла? Рука с мечом опустилась, и Курту ничего не помешало пнуть его ногой в нагрудник, раздался звон, и мошеник повалился рядом с постепенно приходящим в себя Скелетом. Крепыш сидел неподалеку и баюкал раненую руку, пытаясь остановить кровь.

Все трое поняли, что свои силы они переоценили, а скрытую силу неприметного и безоружного парня недооценили, а потому были готовы с деятельному и искреннему раскаянию. И оно последовало незамедлительно. Курт приставил меч к горлу козлородого, предложив ему или умереть, или просить прощения, что тот немедленно и с большой охотой проделал. Та же процедура без каких-либо вариантов была повторена со Скелетом и Крепышом, которые тоже не стали упрямыться и говорить, что честь им дороже жизни, а выполнили требование точно и быстро.

Откуда ни возьмись, появились воспрянувшие духом стражники и увели всех троих в арестантскую. Они оказались безродными разбойниками низкого происхождения, которые не имели права носить оружие. И в ближайший выходной были публично выпороты на площади и на сутки закованы в колодки, после чего у них конфисковали оружие и лошадей и отвезли в зальцбургскую тюрьму.

– Я ж говорил, что мечи у них не рыцарские и шпоры тоже! – хвастал Горбонос, угощая Бедного рыцаря бесплатным обедом. – Так что, живи в долг, пока не

разбогатеешь!

– Спасибо, – скромно сказал Курт. – Думаю, за богатством дело не станет!

И действительно, узнав об этой истории, Вагнер вызвал Курта к себе, благосклонно побеседовал, похвалил за смелость и подарил три крейцера, так что тот быстро рассчитался с долгами. Пошли даже слухи, что о нем узнал сам Господин. Впрочем, может, их распускал Горбонос, чтобы привлечь посетителей в свое заведение.

* * *

Угловая комната Клары находилась на втором этаже. Благодаря двум окнам, в ней всегда было светло, кроме того, открывался обзор сразу на две улицы, в том числе на главную, ведущую от ворот замка прямо к княжеской башне. Придя домой, она придвинула стул к окну, оперлась на подоконник локтями, поставила подбородок на сплетенные пальцы и принялась смотреть, как на скакывают друг на друга петухи, борясь за благосклонность безразлично кудахтавших в стороне кур. Неожиданно пришла мысль, что и ей оказывают знаки внимания уже несколько мужчин, причем, кроме мальчишки Карла, двое, несомненно, рассчитывают на ответную расположенность. Как бы и тут дело не закончилось ссорами и поединками...

Начинало смеркаться, улицы опустели, но ее удивляло отсутствие почетного караула стражников, которые обычно выстраивались для встречи гостей Господина. Это было явным нарушением установленного порядка... Может быть, визит отменили? Но примерно через час, когда сумерки сгустились, по булыжнику процокали копыта двух вороных коней и простучали по неровностям мостовой обитые железом колеса кареты князя Веллинсгаузена. Вскоре проехали ещё две кареты, которые были Кларе незнакомы. Значит, гости все-таки приехали!

Она долго сидела у окна, надеялась услышать звуки лютни или свирели, на которых собирался играть Колокольчик но, как ни напрягала слух, ничего не улавливала: очевидно, нежные звуки музыки не могли пробиться сквозь толстые стены Княжеской башни. Только однажды что-то похожее на дальний удар грома донеслось до ее ушей, а может, просто примерещилось не совсем то, чего ждал обостренный слух... Поздно ночью кареты выехали из замка, Клара легла

спать, и ей приснился Иосиф Вагнер, который стоял на главной площади в чем мать родила и пытался играть на свирели, но у него ничего не получалось.

* * *

На другой день Карл зашел в канцелярию к обеду. Может, так ему было удобней, а может, изголодавшийся молодой человек рассчитывал вкусно поесть. И не напрасно: Клара отварила для него несколько яиц и нарезала остатки кровяной колбасы. Шустер всегда уходил обедать домой, а Эмму она попросила выйти прогуляться, чтобы не смущать юношу.

Карл не заставил себя упрашивать и с аппетитом набросился на еду. Они разговаривали о том, о сем, но молодой человек не затрагивал интересующую Клару тему, и она сама, вроде невзначай, спросила:

– Как ты вчера сыграл? Я так хотела послушать твою чудесную музыку, но, увы, ни одного звука не разобрала...

Колокольчик бросил на нее быстрый, опасливый взгляд, как будто боялся говорить на эту тему. Но все-таки заговорил.

– Я не играл. Гости приехали без семей и занимались своими важными мужскими делами. Так что, моя игра их не интересовала...

– Вот как? Кареты проезжали под окнами, но я узнала только одну – из замка Моосхам. А остальных никогда не видела...

– Это были князья из Неймотервица и Эльцмаунтера, – пояснил Карл. – Они приезжали к нам впервые. Я даже имен не запомнил... Их замки расположены ниже в долине. И ехать до них дольше, чем до Моосхама.

– Странно, – удивилась Клара. – Приехать издалека и не взять с собой жен и детей! Пусть бы и они развлеклись! Значит, я напрасно пыталась услышать твою свирель... И до того дослушалась, что мне померещился какой-то гром...

Карл снова бросил на нее прежний взгляд. Тоска и загнанность в глазах противоречили шаржировано-радостной раскраске лица, придавая ему печать

обреченности. Молчание затянулось.

- Вам не померещилось, - наконец сказал он. - Вы знаете, что такое аркебуза?

Ресницы Клары дрогнули.

- Нет.

- Это такая длинная трубка на деревянном основании, чтобы удобней держать. Она стреляет, как арбалет, только не стрелой, а железным шариком! И сильно грохочет, плюется огнем, как гром и молния! Этот гром вы и слышали... А шарик пробивает насквозь и панцирь, и железный шлем!

- Неужели? - изумилась Клара, всплеснув руками. - Разве можно пробить доспехи?

- Да, клянусь! Они стреляли в большом зале, а потом приказали отнести испорченные латы в подвал. И я сам видел дырки в железе, даже вставлял в них палец! Только...

Клара снова увидела быстрый тревожный взгляд. Раньше юноша так не смотрел.

- Только это тайна! Никто не должен знать! Слуг специально предупреждали...

- Почему тайна? - женщина округлила глаза. - Что тут такого?

- Не знаю. Только всех предупредили, и очень строго!

- Как интересно! Ты всегда знаешь все новости! - Клара нежно взяла паренька за руку. Тот расслабился и улыбнулся.

- Я слышал, что, как потеплеет, они привезут много оружия и спрячут в пещере Серых скал! Туда никто не ходит, там ведь живет дракон!

- Да, с драконом лучше не связываться... Но зачем им столько оружия? И зачем его прятать? В замках есть оружейные комнаты...

Юноша пожал плечами.

- Этого я не знаю.

- А ты мог бы принести мне пробитый шлем? - вдруг спросила Клара, перебирая пальцы Карла. - Мне это очень интересно: я ведь жена рыцаря, у нас дома было разное оружие... Но я не могу представить, как можно пробить железо... Я, конечно, верю тебе, но мне надо убедиться... Я только взгляну, и ты отнесешь его обратно...

Лицо Карла вытянулось.

- А вдруг кто-то увидит?!

- Кто может увидеть? Поврежденные доспехи никому не нужны, они так и будут валяться в подвале, пока не сгниют. А ты через полчаса вернешь их на место... Никто-никто об этом не узнает! Ни одна живая душа!

- Обещаете? - юноша впился в Клару изучающим взглядом. В нем смешались надежда и страх.

- Обещаю, конечно, обещаю! И я поговорю с господином Вагнером, чтобы тебя отдали в церковную школу и научили грамоте. А потом устрою тебя работать в канцелярию! Тебя ждет большое будущее! Через некоторое время ты сможешь взять в замок всю свою семью!

Карлу очень хотелось верить этой красивой и доброй женщине. И он поверил.

- Хорошо. Я сделаю, что вы просите. Когда?

- Давай сегодня вечером. Только оденься в обычную одежду и смой грим с лица.

- Да, конечно...

- И не волнуйся, все будет хорошо! - в подтверждение своих слов, она крепко поцеловала юношу в щеку, туда, где не было краски.

* * *

На другой день Колокольчик не зашел в обеденное время.

– Какая жалость, – посетовала Клара. – Я специально зажарила ему кусок говядины. В его возрасте надо есть мясо – организм ведь растёт!

– Наверное, не отпустили. Положи в погреб, чтобы не испортилось, – посоветовала Эмма. – Завтра съест.

Но завтра Клару вызвал к себе Иосиф Вагнер. Он снова был нарядно одет, от него пахло одеколоном.

– Как успехи? – доброжелательным тоном спросил он. – Я слышал о вас положительные отзывы.

– Вряд ли они исходили от господина Шустера, – ответила Клара.

– Ко всем своим достоинствам вы ещё и проницательны! Но мнение Шустера меня не интересует. Он же понимает, что вы гораздо грамотнее его!

– Спасибо, господин Вагнер, за высокую оценку!

– Она соответствует действительности. А Рудольф уже стар и боится увольнения. Думаю, небезосновательно. Так что вы можете сказать о работе счетовода?

Клара достала из рукава платья скрученный в трубочку лист бумаги, развернула его, бегло просмотрела...

– Очень много недочётов, они подчеркнуты! Умышленно они допущены или нет, решать вам. Могу пояснить подробно по каждому случаю, но это займет много времени.

– Я не тороплюсь, когда речь идет о серьезных делах! – нахмурился управляющий. – Так что с удовольствием вас послушаю!

Клара положила на стол перед собой лист с записями.

– Итак, по порядку...

Она говорила четко, ясно, последовательно, подтверждая свой рассказ цифрами и примерами, которые называла, почти не заглядывая в бумаги. Доклад занял около получаса. Когда она замолчала, в кабинете наступила мертвая тишина. Только муха громко жужжала и билась в стекло, пытаясь вылететь на улицу.

То, что кастелян Вагнер услышал, произвело на него ошеломляющее впечатление. Он долго сидел неподвижно, как будто обитающий в Серых скалах дракон, в которого верила вся округа, превратил его в камень. Но не всего – за исключением правой руки, пальцами которой он нервно барабанил по столу.

– Такого я не ожидал! – глухо произнес он наконец. – Но все это делалось с ведома Шустера? Или его обманывали?

Женщина пожала плечами.

– Я не дознаватель, а документы не умеют говорить. Они выдают факты, но не умысел виновных, господин Вагнер.

Управляющий кивнул.

– Когда мы вдвоём, вы можете называть меня по имени...

– Прошу меня простить... Я хотела бы называть вас как раньше. Ведь после смерти мужа не прошло ещё и года...

– А разве это каким-то образом оскорбляет его память?

– Нет, конечно... Но...

– Тогда и говорить не о чем! – Вагнер встал. Он явно был недоволен ответом Клары. И очень озабочен.

– Возвращайтесь на свое рабочее место, я должен доложить все Господину. А он решит, что делать!

* * *

«Змеи измены проникли в Моосхам, Неймотервиц и Эльцмаунтер. Их князья совещались у Лебеда, стреляли из аркебузы по доспехам. Простреленный шлем перешлю при возможности. Заговорщики планируют завезти и спрятать оружие. Наблюдение продолжаю. Рысь.»

* * *

С этой минуты события понеслись с нарастающей скоростью и силой, вовлекая в себя все новых и новых лиц. Так разрастается сорвавшийся с вершины Альп снежный ком, превращающийся в лавину, сминающую все на своем пути. А что бывает с угодившими под лавину путниками, хорошо известно жителям предгорий.

Когда Клара вернулась в канцелярию, Эмма что-то писала, а Шустер нервно перебирал лежащие на столе бумаги. В комнате царил напряженная и недоброжелательная тишина: и Эмма и Шустер знали, куда и зачем ходила Клара, но не знали, чем дело кончится. Особенно это касалось безответной и пугливой Эммы.

Ждать пришлось недолго. Дверь канцелярии распахнулась, и в помещении сразу стало тесно – первым вошел только вернувшийся с охоты князь фон Бауэрштейн в коричневой кожаной куртке, таких же лосинах, высоких кожаных сапогах, с оленьим ножом на поясе и в широкополой черной шляпе. Румяное лицо князя лоснилось, на губах играла снисходительная улыбка. Его сопровождала свита из четырех человек: Иосиф Вагнер при шпаге, двое стражников в доспехах и с алебардами и начальник замковой стражи Раймунд Кёниг.

Наверное, Господин никогда раньше не заходил лично в канцелярию: ошарашенный Шустер вскочил, уронив стул, и склонился в поклоне настолько резко, будто получил сильный удар в живот. Клара и Эмма повторили его жест, но не с таким отчаянным усердием.

– Позвольте представить, ваше высочество, – обратился Вагнер к князю. – Клара Майер! Она прекрасно знает грамоту и математику!

Клара сделала реверанс. Шустер издал непонятный звук, как будто подавился сливовой косточкой.

– Здравствуйте, фрау Майер! – сказал князь, не обращая внимания на остальных. – Вагнер рассказал мне о ваших успехах, они заслуживают похвалы, и вы, несомненно, будете поощрены! А пока я принял решение провести полную проверку счетной работы!

Рудольф Шустер сразу как-то поник и, казалось, в один миг постарел ещё сильнее.

– Я прошу вас, – теперь князь обращался к Кларе, глядя ей прямо в глаза. – Сравните записи в журналах на таможенном посту с учётами канцелярии. Журналы вам принесут. Кроме того, я даю вам полномочия руководить дознанием: можете проводить обыски и изымать всё, что сочтёте нужным!

Клара покорно склонила голову.

– С вами останется лично начальник стражи Раймунд Кёниг. Он будет выполнять ваши указания!

Кёниг при этом снял шлем и кивнул.

«А без шлема он даже красивее», – непроизвольно отметила про себя Клара. Эта мысль пробилась даже сквозь овладевшую ею озабоченность.

– Жду вашего доклада! – сказал фон Бауэрштейн и вышел.

Вагнер поспешил за князем, и в канцелярии снова наступила гнетущая, как перед бурей, тишина. Длилась она совсем недолго.

– Ждём ваших указаний, фрау Майер! – сказал Кёниг хорошо поставленным бархатным баритоном. Он был человеком действия и не терпел пустых разговоров, а тем более пустого молчания.

«И голос приятный», – подумала Клара. А вслух сказала:

– Сделайте обыск на таможне! И принесите журналы с поста сюда!

– Прошу прощения, – подал голос Шустер. – Но я тоже могу помочь, ведь цифры – это моя стихия...

– Про тебя не было указаний, – небрежно махнул рукой Кёниг. И строго приказал:

– Уведите его! Пусть сидит дома до окончания расследования!

Один из стражников схватил Шустера за предплечье и бесцеремонно выволок на улицу.

– Нужно у него дома тоже обыск провести, – сказала Клара. – Там могут быть украденные деньги. И все записи пусть тоже несут мне.

– Слышал? – спросил Кёниг у оставшегося стражника. – Возьми с собой двух толковых... Штефана и Маркуса возьми, они как раз пришли за жалованьем... И домой к счетоводу! Чтобы ни клочка бумажки незамеченной у него не осталось!

– Понял, господин офицер! – ответил стражник и побежал исполнять приказ.

– У вас неплохо получается командовать, – сказал Кёниг уже не голосом командира, а обычного молодого человека, которому нравится женщина.

Сидевшая за своим столом Эмма тихо хихикнула, но тут же поймала тяжелый взгляд Кёнига и снова нагнулась над бумагой.

В коридоре вновь послышались тяжёлые шаги, и в комнату вошёл стражник с двумя толстыми книгами в руках.

– Это с поста! – пояснил он. – Приказано доставить сюда.

– Оставляй! – ответил Кёниг. – И начинайте там обыск, я сейчас приду...

Просмотрев учетные книги и сделав кое-какие закладки, Клара вышла во двор замка и прошла по проверяемым местам. У таможенного поста одна группа стражников вытаскивала из стога сена свёрнутые льняные холсты, кувшинчики с мёдом, разную керамическую утварь... Другая – проводила обыски в той части замка, где жили работавшие на таможне монахи, третья – уводила задержанных на допрос в кабинет кастеляна... Таможенный писарь Алоизий, и двое его молодых помощников со связанными руками ждали своей очереди. Работа буквально кипела. Кёниг умело руководил всем происходящим.

Правда, несмотря на все старания, дома у счетовода ничего подозрительного не нашли.

– Мы всё перевернули, – развёл руками Штефан. – Никаких записей, ни денег, ни ценностей...

Допрос у Вагнера тоже не дал положительных результатов.

– Были ошибки, грешен, только все без злого умысла, – жалобно повторял Шустер. – Старый стал, память подводит, и вижу уже плохо...

– Врет, старая лиса! Просто он хитрей остальных! – сказал Кларе Кёниг. – Надо было мне с ним поговорить, у меня бы он быстро признался!

– Били бы старика? – поинтересовалась она.

– Кхм... Нет, конечно, зачем? Можно иголки под ногти запустить, да и другие методы имеются!

– Ну, зачем такие страсти! – ужаснулась Клара. – Он же отвечал за все, теперь его уволят...

– Всего-навсего? А разве это справедливо? Ясно же, что всё с его ведома делалось! А накажут его, получается, меньше всех...

– Увольнение на старости лет – это серьезное наказание. Тем более он одинок и никому не нужен... Мне его даже жалко!

– У вас слишком доброе сердце! – криво усмехнулся Кёниг. – То подкармливаете всех, то жалеете...

– А кстати, что-то давно Колокольчика не видно...

– Сейчас не до него, – махнул рукой Кёниг. – В княжеской башне его тоже нет. Наверное, убежал без спросу в деревню, проведать родителей. Ничего, вернется – получит плетей! Или вам его тоже жалко?

– Тоже... – кивнула Клара.

У нее действительно было доброе сердце.

* * *

Дознание было закончено за неделю. Таможенных монахов во главе с Алоизием Зальцбургский епископ лишил сана, двоих отправили на год в соляную шахту, двух стражников, замешанных в неблагоприятных делах, публично выпороли на площади. Всех таможенников заменили новыми, счетовода Шустера уволили. Новым счетоводом князь фон Бауэрштейн назначил Клару Майер. Она, как и обещала, попросила кастеляна направить Колокольчика учиться грамоте, и господин Вагнер не возражал, но дело в том, что сам Карл исчез: у родителей он не появлялся, а в замок не вернулся. Предполагали, что его могли растерзать волки, хотя, в отличие от многих, он никогда не ходил в лес по грибы или ягоды и не расставлял силки на птиц. Прошел даже глухой слушок, что тут не обошлось без волка-оборотня, но панические сплетни жестко пресекались, поэтому эта тема быстро заглохла.

Еще об одном объяснении никто не узнал, его придумала Эмма: дескать, несчастный юноша безнадежно влюбился в Клару и, мучимый черной тоской, бросился в одну из горных расщелин... Услышав такую версию, Клара горько расплакалась, и Эмма никогда ее не повторяла, так что за пределы канцелярии она не вышла. Пропажа Карла осталась загадкой, но князю вскоре подобрали нового шута, и об этой истории стали забывать.

* * *

– Послушай, Эмма, скоро день рождения нашего Господина, я хочу заказать себе новое платье и платок, чтобы на празднике выглядеть красивой!

– Вы и так очень красивы, госпожа! – искренне ответила Эмма.

– Не на нашем же блошином рынке их покупать! – не обратив внимания на этот реверанс, продолжила Клара. – Хорошие обновки придется заказывать в больших городах, поэтому сообщай мне обо всех обозах, идущих в Рим или Вену. Их хозяевам я и дам поручение...

– Хорошо, госпожа! – кивнула Эмма.

Очередной обоз в сторону Италии был небольшим: всего две двуосных повозки без тентов, гружённые тюками сыромятной кожи, от которой под палящим солнцем исходил специфический запах, привлекавший мух со всей округи. В первой телеге кроме возницы был хозяин товара: тучный лысый мужчина средних лет. Пока кучер расспрашивал молодого таможенника об условиях остановки на ночлег в замке, он восседал на одном из тюков и часто утирал носовым платком пот с широкой шеи под двойным подбородком. Клара наблюдала за ними со стороны и, хотя содержание разговора ей не было слышно, суть его она поняла безошибочно. За время работы в замке Клара научилась определять по поведению обозников, останутся ли они на ночлег или продолжат движение без отдыха.

А по поведению служащего можно было догадаться, что обоз этот не из провинции. Иосиф Вагнер требовал досматривать прибывающих из Вены особенно тщательно. «За ними особый контроль нужен, – инструктировал он подчинённых. – Эти могут и алмазы спрятать, и золотые слитки вывезти без пошлины. Но проверяйте их вежливо: за богатством обычно стоят очень влиятельные господа!»

Она делала вид, что просто вышла прогуляться и подышать свежим воздухом, но сама внимательно наблюдала, как таможенник попросил освободить телегу и приступил к досмотру. Хозяину товара в качестве любезности он предложил даже свой стул, хотя наверняка сомневался, выдержит ли старая вещь его вес. Но тучный обозник, видимо, подумав о том же, благоразумно отклонил предложение, с трудом слез с телеги и остался стоять рядом.

Клара подошла поближе. Заметив ее, новый старший по досмотру – коренастый Бартольд – предупредительно вскочил.

– Что угодно фрау Кларе?

– Обычный контроль, Бартольд, – ответила она. – Теперь он будет постоянным. Занимайтесь своей работой.

И повернулась к обознику.

– Добрый день! Вы из Вены?

– Угу, – кивнул тот, всем своим видом показывая, что ему сейчас не до разговоров.

– В этом году очень много дождей, – сказала Клара.

– Вы смеётесь? – буркнул потный толстяк. – За всю дорогу ни одной тучки на небе!

– А претензий к служащим у вас нет?

– Пока нет... Хотя ясно, что обдерут... – он замолчал и безнадежно махнул рукой.

Бартольд старательно записывал товары в книгу учета, молодой таможенник на миг оторвался от своего занятия и настороженно посмотрел в сторону счетовода. Но Клара, снисходительно кивнув, молча удалилась.

– Какой-то грубиян попался, – пояснила она Эмме. – Я не захотела обращаться к нему с просьбой...

Ближе к вечеру в замок на ночлег заехали ещё путешественники из Вены. Молодожёны со скудным багажом, притороченным сзади к карете, держали путь во Флоренцию. Выбрав момент, когда рядом не будет посторонних, Клара подошла к ним.

– Добро пожаловать в Маутендорф! – улыбнулась она. – Вы из самой Вены? Я там так давно не была...

– Да, – улыбнулась ей в ответ гостя. – Но у вас такой чудесный воздух!

– В этом году слишком много дождей...

– Разве? – переспросил молодой муж. – А мы и не заметили...

Выжидающий взгляд Клары потух.

– Хорошего отдыха! – доброжелательно сказала она. – И счастливого пути!

Клара вернулась в канцелярию. Несмотря на внешнее спокойствие, она была крайне раздражена: «Сколько можно так ходить с одной дурацкой фразой?! Рано или поздно это начнёт бросаться в глаза! Позавчера было двое постояльцев из Вены, вчера один... Тот вообще меня непонятно за кого принял. Хотя как раз понятно, если предложил за деньги остаться с ним на ночь... Теперь вот эти сегодня... Сколько ещё будет таких пустышек? И, как назло, когда нужна связь – наших людей нет!»

Но уже на следующий день, пожаловавшись на дожди, она услышала от едущего из Венеции торговца красками для тканей долгожданный ответ.

– Зато урожай будет хорошим!

– Уф, – перевела она дух. – Когда едешь в Вену?

– Завтра на рассвете.

– За мостом через Холодный ручей справа два валуна. Между ними прикопан небольшой, но довольно тяжелый узел. Спрячь его хорошенько и отдашь лично его сиятельству герцогу Нойманну!

– Лично?! – торговец был похож на художника: симпатичный, длинные светлые волосы, аккуратная «шкиперская» борода. – Но меня могут не пустить к нему!

– Пустят! – уверенно кивнула Клара. – Скажешь, что это важная посылка из Маутендорфа, от Рыси!

«Художник» оценивающе осмотрел ее с ног до головы, улыбнулся и хотел что-то сказать, но, встретив холодный жесткий взгляд настоящей рыси, не решился.

– Хорошо, хорошо, я все сделаю!

– Удачи!

Через несколько дней на глупое замечание о дождях в засушливое лето отозвался купец, торгующий одеждой: высокий, худой мужчина, похожий на итальянца. Он ехал из Вены в Рим.

– Я жду письма, и уже давно! – сказала Клара, но тот только развел руками.

– Увы, у меня его нет!

– А зачем же ты заехал в Маутендорф? – раздраженно спросила она. – Чтобы я лишний раз «засветила» контакт с тобой?

Торговец посмотрел с недоумением.

– У меня же не одно поручение! И мне точно так же приходится «засвечиваться»! Если надо что-то передать в Рим – давайте, если в Вену – приготовьте: я через две недели поеду назад...

– Нет, передач пока нет, – взяла себя в руки Клара. – Извини! Но если у тебя найдется красивое платье и платок, то я их куплю!

Купец повеселел.

– Я распакую все корзины, и вы обязательно найдете что-то по душе!

И Клара действительно сделала покупки, полностью оправдав свой интерес к обозникам. Но вечером, примеряя обновки перед зеркалом, она вернулась к

своим размышлениям.

«Сеть информаторов надо приводить в порядок. Чтобы было больше четкости и дисциплины, чтобы связь появлялась тогда, когда она нужна, чтобы легко узнавать своих агентов... Может, на телегах ставить какой-то знак? Или концы оглобель красить в определенный цвет? Но это годится на один-два раза, а потом будет бросаться в глаза. А вот если бы знак был малозаметным, но осведомленным лицам понятным, это было бы то, что надо! Впрочем, это мужское дело, вот пусть мужчина им и занимается!»

Глава 2. Сбить яблоко с головы

Праздник фон Бауэрштейна, как всегда, отмечался шумно, щедро и весело, с раздачей денег, подарков и развлечений. Женщинам, работающим в замке, вручили вязаные шерстяные платки, служащие канцелярии получили по крейцеру, Клара – пять, а управляющий Вагнер и другие чиновники его уровня – по десять. Даже каждый слуга дворца удостоился двадцати грошенов. На площади в огромных котлах кипел ароматный говяжий суп, и все желающие могли бесплатно получить миску горячего, острого, густого варева с распадающимся на волокна куском мягчайшего мяса и ломтем хлеба в придачу. Народ радовался и славил князя. А вечером был устроен праздник развлечений.

Вместо котлов на площади возвели трибуну, покрытую коврами, на самом удобном месте сидел именинник с супругой и детьми, рядом восседал Иосиф Вагнер и другие высокопоставленные чиновники. На последнем ряду горбился вездесущий Додо со своей чернильницей и бумагой. Несмотря на то что еще ничего не происходило, он уже старательно что-то записывал. Князь взмахнул платком, и представление началось.

Вначале выступали заезжие фокусники, силачи, борцы. Потом, на потеху, объявили состязание для всех желающих: кто поборет противника, получит крейцер. Желающих было много, схватки проходили быстро, толпа поддерживала участников криками и аплодисментами. Харди Хитрый вызвался бороться с Дитмаром. Он был худой как жердь и выглядел по сравнению со здоровяком Дитмаром, словно мальчишка, вышедший против настоящего борца. Но Харди и тут оправдал своё прозвище: когда противники сошлись, он бросился

Дитмару в ноги, схватил за щиколотки, упёрся головой в пах и рывком опрокинул великана на землю. Этому приему он выучился у заезжего борца. И хотя бросок получился эффектным, толпа, увидев в нем коварство, недовольно загудела, а разъяренный Дитмар потрясал кулаками и требовал реванша... Но хитрец получил свои деньги и быстро ушел с площади.

Потом начались упражнения в военных искусствах. Несколько десятков стражников в начищенных, блестящих доспехах, разбившись на две группы, показали бой на алебардах. Выглядело это довольно внушительно. Потом сражались на мечах. Победителем вышел Раймунд Кёниг. Он одолел одного за другим трех бойцов и честно заработал свои десять крейцеров. Но тут сидящий на трибуне рядом с князем Йозеф Вагнер вспомнил про удалца, который в настоящей боевой схватке справился сразу с тремя разбойниками. Он потребовал позвать Курта, тем более что долго искать его не пришлось: он стоял здесь же, на площади, у входа в «Единорог» и лениво наблюдал за происходящим. Лицо его, как всегда, ничего не выражало. Состязаться с Кёнигом он не хотел, и даже увеличенное до десяти крейцеров вознаграждение победителю не заставило его изменить своё решение.

Но когда к нему обратился Йозеф Вагнер и эту просьбу настойчиво поддержал сам именник, князь фон Бауэрштейн, отказываться стало уже невозможно.

– Я только за своим мечом схожу, Ваша Светлость! – поклонившись, сказал он и вернулся уже с оружием и полностью экипированный – в кольчуге, нагруднике и шлеме.

Кёниг и Курт сошлись на середине площади и по знаку князя начали бой. Кёниг нанес несколько пробных ударов, Курт без труда отразил их и выполнил ответную серию, которая тоже была легко отражена. Ни у кого не получилось развить атаку. Когда Кёниг попытался круговым движением выбить у противника меч, Курт простым поворотом кисти пресек эту попытку и попробовал горизонтальным ударом плашмя обезоружить начальника стражи, но тот поставил меч ребром и тоже сорвал его замысел. Они сходились и расходились, наносили удары и уворачивались от них, мечи блестели, со звоном сшибались, но ни один клинок не задел нагрудника или шлема. Очень скоро стало ясно, что противники равны по силе, ловкости и мастерству фехтования. Победителя в этом бою не оказалось: князь признал ничью, и каждый участник получил по пять крейцеров.

Повеселевший Курт подбросил потяжелевший кошелек на ладони и подмигнул Горбоносу, который не сводил с него восхищенного взгляда. Площадь готовили к состязанию арбалетчиков – зрителей отодвинули в стороны, у основания донжона поставили соломенные маты, чтобы стрела не дала рикошет, на них закрепили мишени в виде черных кругов размером с человеческую голову. Курт собирался уйти, когда слуга позвал его к трибуне, где уже стоял Кёниг.

– Я хочу, чтобы вы продолжили состязание! – сказал князь, доставая увесистый кожаный кошелек. – Здесь пятьдесят крейцеров, их получит победитель!

За пятьдесят крейцеров можно было купить хорошую лошадь или двух обыкновенных.

Кёниг поклонился.

– Я только за своим арбалетом схожу, Ваша Светлость! – повторил его жест Курт.

– А почему ты всегда ходишь без оружия? – поинтересовался князь.

– Мои руки – оружие, – уклончиво произнес Курт. – К тому же мне некого бояться: врагов у меня нет...

– Часто такая мысль оказывается ошибочной, и дело заканчивается кинжалом в спине, – усмехнулся князь и выразительно посмотрел на Кёнига, который бросал на соперника отнюдь не дружеские взгляды.

Курт не стал спорить и, почтительно поклонившись, отправился за арбалетом.

Результаты стрельб напомнили бой на мечах: каждый участник поразил свою мишень всеми пятью стрелами. Дело шло к повторной ничьей, но князь предложил посчитать – у кого больше попаданий ближе к центру мишени, и все-таки выявить победителя. Но «ближе-дальше» это приблизительные категории, они оставляют место сомнениям. А в соревнованиях нужна чистая победа!

– У меня есть другое предложение, Ваша Светлость! – внезапно сказал Курт. – Кто собьет яблоко с головы любого из здесь присутствующих – тот и победитель!

И крикнул в толпу:

- Эй, кто подарит мне яблоко?

- Держи! - крикнул Горбонос.

Курт поймал на лету крупный, краснобокий плод.

- Спасибо, не пожалел! - крикнул он в ответ.

- Мне нравится твоя придумка! Только вряд ли ты с такой же легкостью найдешь желающего подставить свою голову! - засмеялся князь. - Голову каждый пожалеет! Хотя смельчака ждет награда! Ну, кто смелый?

Слуги князя подошли к зрителям, предлагая показать свою смелость и решительность. Глашатай три раза громко объявил о награде для храбреца - двадцать крейцеров! Толпа безмолвствовала. Все хотели оставаться зрителями, а не становиться участниками опасного представления.

- Неужели в замке нет отчаянных голов? - вскричал Иозеф Вагнер.

- Есть! - раздался мелодичный голос, и среди стоящих отдельно женщин прошло какое-то движение. Вагнер осекся, Кёниг насторожился. Только Курт, как всегда, был невозмутим.

Желающий рискнуть своей головой все же нашелся. Точнее, нашлась. Из толпы нарядно одетых ради праздника женщин вышла Клара в новом платье и платке, подошла к рубежу мишеней и, прислонившись спиной к соломенным матам, остановилась, выжидая. Справа и слева от нее торчали стрелы, ушедшие в прессованную солому по самое оперение. Проворный шут, сменивший Колокольчика, подбежал к ней и водрузил яблоко на покрытую платком голову. Она подумала, что будет жалко, если обновку зальет кровь.

- Приготовиться! - князь поднял платок.

Кёниг нагнулся и положил арбалет на землю.

– Ваша Светлость, прошу всемилостивейше извинить вашего верного слугу, но я стреляю в людей, только если они враги моего государя, – хрипло сказал он.

У Вагнера настроение тоже изменилось.

– Ваша Светлость, использовать в качестве мишени женщину, да еще главного счетовода замка, мне кажется не очень разумно...

– А ты, Курт, что скажешь? – спросил князь, который явно не хотел отказываться от щекочущего нервы зрелища.

Тот невозмутимо натягивал тетиву, накладывал и закреплял стрелу, поправлял оперение, а закончив это занятие, ответил:

– Я готов к стрельбе, Ваша Светлость!

– Но в стрельбе уже нет необходимости! – вмешался Вагнер. – Раз один стрелок выбыл из состязания, то победителем считается второй!

– Нет, это не победа! – скривился князь. – Это позор для всех. В том числе и для меня. Ведь сегодня мое рождение. Разве я вас плохо развлекал в этот день?

– Хорошо, Ваша Светлость, – потухшим голосом сказал Вагнер и замолчал. Дальнейшие возражения – это уже спор. А спор с князем может привести только к одному – к эшафоту!

– Спасибо светлейшему князю! – кричала толпа. – Спасибо Господину!

– Так теперь вы развлеките меня и сделайте этот день незабываемым! – повысил голос князь.

Курт, держа арбалет опущенным вниз, ждал команды. Кёниг тоже поднял с земли заряженный арбалет. Но на это никто не обратил внимания: все взгляды были прикованы только к одному человеку. Точнее, к двум. Клара стояла как всегда ровно, словно статуя – иначе яблоко могло упасть.

– Ты готов, Курт? – спросил князь.

– Готов, Ваша Светлость!

– Но ты ведь знаешь, что за убийство главного счетовода замка тебя казнят?

К такому обороту Курт не был готов, он впервые услышал о новом условии, которое все меняло. Но он никогда не отступал.

– Знаю, Ваша Светлость!

Князь, конечно, удивился такому ответу, но виду не подал.

– Тогда стреляй, и да поможет тебе Всевышний!

Курт зачем-то зажал зубами вторую стрелу, вскинул арбалет и прицелился. Расстояние до яблока было около шестидесяти шагов. Сколько шагов было до Клары, он не знал, так как сейчас ее не видел. Только яблоко в прицельной щели, только легкий ветерок, который на таком расстоянии не требовал корректировки прицела, только отвлекающий шум толпы, который постепенно стихал и, наконец, полностью растворился в сгустившейся атмосфере.

Он нажал спусковой рычаг.

– Дзынн! – грубо зазвенела сорвавшаяся тетива. Стрела мгновенно пронеслась сквозь разделяющее арбалет и цель пространство и рассекла яблоко пополам.

Толпа взорвалась криками, свистом, аплодисментами, топаньем ног.

Кёниг громко, с облегчением вздохнул и разрядил свой арбалет.

– Молодец, Курт! – от души, как простой плотник, крикнул Вагнер. Курт бросил свою вторую стрелу на землю.

Неспешным шагом к ним подошла Клара. Она ела половинку рассеченного яблока. Вторую половинку протянула Курту.

– Ну, как? – спросил он.

– Вкусно! – кивнула она. – Попробуй!

Князь наклонился к Вагнеру и что-то пошептал на ухо.

– Как твоя фамилия, Курт? – спросил управляющий.

– Шефер.

Князь фон Бауэрштейн встал, вид у него был торжественный.

– Награждаю Курта Шефера пятьюдесятью крейцерами, как и было обещано, а Клару Майер – двадцатью крейцерами! Кроме того, назначаю Курта Шефера своим персональным стрелком! Соответствующий указ будет подписан завтра! И я надеюсь, что Курт уничтожит, наконец, того черного волка, который держит в страхе всю округу! Я даже уверен в этом! Независимо от того, обычный это волк или оборотень!

Смеркалось. Иозеф Вагнер и другие высокопоставленные чиновники отправились на пир в Княжескую башню. Раймунд Кёниг был обязан обеспечивать безопасность Господина, а потому двинулся за ними. Плотники со стуком разбирали трибуну, слуги уносили ковры в покои князя.

А Клара и Курт, впервые за долгое время, вместе зашли в «Единорог», где ужинали, пили вино и веселились. Клару смешил Горбонос, который все расспрашивал, зачем Курт приготовил вторую стрелу и почему Кёниг то бросал свой арбалет, то заряжал его.

– Да что тут непонятного? – смеялась Клара. – Если бы Курт промахнулся, то выстрелил бы еще раз! А начальник стражи то собрался стрелять, то передумал, потом опять собрался...

– Гм... – Горбоноса явно мучили сомнения. – Ну, а если бы он тебе в лоб угодил?!

Клара перестала смеяться.

– Тогда бы хоронили сразу троих, – серьезно сказала она.

– Кого?

– Какой ты непонятливый! Меня, Курта и еще одного человека...

– Кого? – продолжал уточнять хозяин «Единорога».

– Тебя, конечно! – она снова засмеялась, на этот раз нервно, с надрывом.

– Меня?! – ошарашенно переспросил Горбонос. – А меня-то за что?

Но ему уже никто не стал отвечать.

* * *

Поджидая Клару после работы, Раймунд Кёниг изо всех сил старался показать, что находится у здания канцелярии по службе. Он медленным шагом прохаживался по улице туда-сюда, делая вид, что рассматривает снизу крыши, как будто там мог затаиться враг. Однако, кроме слепленных из комочков глины и травинки ласточкиных гнёзд, под козырьками крыш ничего не было, а со стороны его действия выглядели нелепо и смешно. Дело усугублялось подвешенной к поясу за задние лапы тушкой зайца, поэтому Кёнигу казалось, что всё население замка сейчас наблюдает за ним и от души потешается.

Никто, однако, за ним не наблюдал, и тем более не потешался – должность начальника стражи к этому не располагала. Наоборот, случайные прохожие опускали глаза и старались поскорее пройти мимо. Ходит главный страж с зайцем на боку, значит, так надо. А то ведь на месте зайца может оказаться отрубленная острым мечом голова шпиона, а именно Кёниг должен выявлять изменников и прочих врагов!

Наконец-то хлопнула дверь, и на улицу вышла Клара, но не одна, а с Эммой. Так что перед Кёнигом встал выбор: подойти сейчас или плестись за женщинами, ожидая, пока они разойдутся, и рискуя попасть в неловкое положение, если вдруг Клара заметит его раньше времени. Но офицер привык к решительным действиям и, недолго думая, пошёл наперерез.

– Добрый вечер! – поприветствовал он женщин издали, стараясь вести себя раскованно, хотя давалось это с трудом – хитрить Раймунд не привык, особенно вне службы.

Клара с Эммой остановились.

– Добрый! – ответила Клара. – Вы по делу? Но работа уже закончена... Впрочем, если вам надо, я могу вернуться...

Эмма лишь молча кивнула и, удивленно хлопая глазами, переводила взгляд со своей начальницы на симпатичного офицера.

– Нет, нет, никаких дел у меня нет, – учтивым тоном ответил Кёниг. – Сегодня я был на охоте и принес вам подарок...

Он снял с пояса зайца и протянул Кларе. Та в растерянности замешкалась.

– Какой большой! – радостно воскликнула Эмма, как будто подарок адресовался ей. – Это очень хорошая добыча, моему Штефану такие редко попадают... Но все знают, что господин Кёниг знатный охотник! Он и оленей добывает, и даже козорогов, хотя к ним трудно подобраться в горах.

Клара, наконец, вышла из оцепенения.

– Спасибо! И колбасу вы приносили очень вкусную. Но он действительно такой тяжёлый...

– Я помогу донести, – сказал офицер.

– Не в этом дело... Куда мне столько еды? Это на пятерых человек...

– А давайте устроим общий обед в канцелярии, – оживилась Эмма. – Ну, как тогда, с пирогом и колбасами!

– Что ж, это хорошая мысль! – чуть подумав, кивнула Клара. – Господин Кёниг, мы просим и вас к нам на обед. Это будет не только сытно, но и весело!

– Спасибо за приглашение! – ответил Кёниг. – Я с удовольствием приду, если только позволит служба. А зайца всё-таки давайте я помогу донести до вашего дома!

– О, не беспокойтесь ни о чем! – заявила Эмма, подхватив по-хозяйски увесистую серую тушку. – Я знаю, что фрау Клара не любит готовить, да и не к лицу счетоводу возиться на кухне! А у меня свой, особенный рецепт. Я все сделаю и завтра принесу уже готового, тушенного в вине зайца. Если вы, конечно, не возражаете и доверите мне это важное дело, – обратилась она к Кларе. Хотя они подружились, в присутствии посторонних соблюдалась субординация.

– Конечно, не возражаю! – с облегчением произнесла Клара. – А в дальнейшем я попрошу научить меня готовить и поделиться своими рецептами! Надеюсь, у меня получится... Вообще-то, у меня получается все, за что я берусь!

Последняя фраза вырвалась непроизвольно, Клара про себя выругалась, и если бы это крепкое словцо услышали ее спутники, они бы очень сильно удивились. А на слова, вызвавшие ругань, никто не обратил внимания.

– Конечно поделюсь! И конечно у вас получится! Ну, я побежала! До завтра! – она украдкой бросила взгляд на Клару с офицером и действительно быстрым шагом, почти бегом, направилась к воротам. Взгляд этот не остался незамеченным.

«Похоже, баба поняла, что это лишь предлог, – подумал Кёниг. – Да и плевать! Только как теперь быть? Откланяться?»...

Он растерянно замялся, но Клара сама пришла на помощь.

– Думаю, вы и без зайца можете проводить меня до дома... Все-таки слухи про черного волка не придают женщине уверенности в своей безопасности.

Начальник стражи выпятил грудь.

– Со мной можете быть уверены: вас никто не обидит!

– Не сомневаюсь, – сказала Клара.

Они медленно шли по узкой улице. День заканчивался, и замок опустел: временные посетители, закончив торговые или служебные дела, отправились восвояси, местные жители разошлись по домам, постояльцы «Единорога» ужинали и готовились ко сну.

– А вы расскажете, в чем секрет вашей удачливости на охоте? – вдруг спросила Клара.

Кёниг развел руками.

– Рассказывать я не мастер. Вряд ли мой рассказ будет интересен. Настоящий интерес – это когда сам попробуешь найти зверя, идти по его следу и добыть, наконец! Если захотите, я приглашу вас на охоту и могу научить многим хитростям...

Клара настороженно замолчала.

Лестница отношений между мужчиной и женщиной в шестнадцатом веке имеет много ступеней. Начинается она самым невинным и незаметным для окружающих образом: с пристального взгляда кавалера и ответного жаркого взора поверх приопущенного веера; с будто бы случайно оброненного дамского платочка, который поднять и сделать своим амулетом – честь для мужчины; с непроизвольного прикосновения к платью возлюбленной, с тайного касания её руки и едва заметного ответного пожатия... Знаки становятся все более явными и недвусмысленными: стихи, подарки, письма, поцелуй ручки, щечки, первое свидание наедине... И на вершине этой лестницы во все времена – главное событие, имеющее вид откровенного первобытного бесстыдства, а потому требующее скрытности и запертых дверей: сброшенная одежда, быстрые нервные движения, взаимопроникновение дрожащей плоти, с силой трущаяся кожа, от которой, кажется, летят искры, естественные запахи, вздохи, стоны, сотрясение потных обнаженных тел...

Женщины, особенно опытные и искушенные, хорошо знают ступеньки на этой лестнице, хотя в разных эпохах и лестницы разной длины, и ступеней на них разное количество, и расстояния между ними заметно отличаются. Клара, конечно, не подозревала, какими будут взаимоотношения полов через несколько веков, ее системе координат не были известны приглашения в модный ресторан, на шикарный летний отдых, дорогой подарок или даже просто цинично-

откровенные в своем бесстыдстве денежные купюры, которые приближали вершину лестницы! Все, что она знала, это незаметные взгляды, тайные прикосновения к одежде, или невзначай поправленная прядь волос, пристальное внимание, особенно со стороны мужчины, занимающего высокопоставленное положение...

И для Клары все было совершенно ясно: ожидающий у канцелярии начальник стражи, колбаса с охоты в гостинец, а теперь – подаренный заяц, проводы до дома и даже, даже! – приглашение на охоту! Это не просто знаки внимания, не просто ни к чему не обязывающие жесты – это уже не середина воображаемой лестницы и даже не верхняя треть... Если сравнивать с канонами двадцать первого века – это прямое приглашение в постель! Не потому, что там лестница короче: просто в ней меньше ступеней – иногда всего одна, и та движется в эскалаторе! И хотя о правилах обольщения будущих веков Клара ничего не знает, но в условностях своего времени разбирается прекрасно. И понимает, что Кёниг уже ведет ее в отдельную комнату, еще шаг, – и задвижка защелкнется изнутри... Надо сказать, это ее совершенно не пугало, а скорей будоражило и привлекало!

– Я подумаю над вашим предложением, – наконец пообещала она.

* * *

Полная луна была такой большой и висела над Альпами так низко, что, казалось, если взобраться на вершину горы, можно достать до неё рукой. Штефан и Маркус, как обычно, дежурили вместе. Стоя в наблюдательной башенке, они с удовольствием вдыхали свежий, полный пьянящих ароматов разнотравья воздух и любовались россыпью звёзд на небе.

– В такую ночь дежурить одно удовольствие, – сказал Маркус. – Не то что в грозу! Так и кажется, что гром ударит в тебя и испепелит на месте!

– Я был свидетелем такого случая, когда служил под знаменами герцога Брауншвейского, – кивнул Штефан. – Перед боем молния попала в конного рыцаря, убила коня, а его самого сожгла полностью. Только почерневшие доспехи, а внутри обугленные кости – и все! Говорят, железо притягивает небесный огонь...

- Но там же все были в латах! Почему именно этого беднягу поразил Господь?

- Не знаю. Но он был поединщиком и должен был драться с рыцарем противника один на один. Армия победителя занимает город без боя. Поединщики стояли перед своими шеренгами, подняв копья и ждали сигнала. Тут гром и разразил нашего...

- А что потом?

- Ничего. Мы отступили. Он оказался единственной потерей...

- Так это не случайность, - многозначительно сказал Маркус. - Это знак свыше. Значит, небеса выбрали не вас. А если бы начался бой, сам понимаешь, сколько бы полегло...

- Это точно! - кивнул Штефан. - Может, я и не стоял бы сейчас здесь с тобой...

Некоторое время они молчали, думая каждый о своём.

- А знаешь, - сказал Маркус. - Мне в детстве рассказывала бабушка, что если коснуться Луны рукой, то найдёшь в горах спрятанные там несметные богатства. Ты знал об этом?

- Нет, не знал. Да и не верю я в такие сказки. Если бы это была правда, то кто-нибудь уже сделал бы это и забрал клад. А если даже и правда, то как можно проверить, что клад ещё на месте и никто его не забрал?

- Он на месте! - уверенно ответил Маркус. - Видишь, что там на ней?

- Что?

- Ну как же, неужели не видишь?!

- Ничего нового не вижу, всё как всегда.

- Правильно. Но что там как всегда?

- Да не знаю я, пятна разные.

- Пятна, - снисходительно усмехнулся Маркус. - Это же фигуры! Видишь? Мужская и женская. Вот как раз они и пытались завладеть сокровищами. Сын одного князя влюбился в красивую, как сама Луна, простолюдинку...

- Стоп! Давай угадаю?! Она оказалась ведьмой. Так?

- Почему ведьмой? - удивился Маркус.

- Ну, просто ты сказал, что она была прекрасна, а говорят, что все ведьмы, когда они в облиии молодых, чертовски красивы. Вот посмотри на ведьм в Моосхаме!

- А то ты не знаешь, откуда там появляются красивые ведьмы! Это проделки князя Веллинсгаузена! И девок всех перепортил, и подати дерет непомерные, и от государевой казны скрывает... Про нашего господина фон Бауэрштейна никто ничего плохого не говорит, да продлит Господь его дни! Мы все им довольны. Не так разве?

- Так, так! - поспешно согласился Штефан. - Только все равно меньше болтай языком, если не хочешь, чтобы он у тебя болтался с крепостной стены! Небось про подати и государеву казну опять от Харди Хитрого слышал?

- Не только. Об этом все говорят. И в ихней деревне, и даже в нашей. Да и не такой Харди враль, как ты думаешь... Он что скажет, то потом и подтверждается...

- Сплетни все это, болтовня. Кто там считал и проверял эти подати? Или что - как красивая баба, так обязательно ведьма? Видел, у нас в замке какая поселилась, Клара Майер? Она что, тоже ведьма?

Маркус покачал головой.

- Она непохожа. Хотя, кто знает... Кастелян и Кёниг с нее глаз не сводят, словно приворожила!

- Она добрая, участливая. Мою Эмму пирогом угощала, и подметальщицей, шутком не побрезговала – всех за стол посадила! Такие ведьмы не бывают, у них душа змеиная!

- Да я и не говорю про нее ничего. Только шут-то пропал неизвестно куда!

- Мало ли куда кто пропадает... Ладно, хватит толочь в ступе одно и то же, рассказывай уже дальше про Луну!

- Я и говорю: та, что на Луне, не ведьма!

- А как же тогда она там оказалась?

- Ну, так ты слушай дальше! Им же князь, отец жениха, согласия на женитьбу не дал... И решил тогда тот юноша дотянуться до Луны и завладеть сокровищем, чтобы можно было без согласия семьи жениться, уехать и безбедно жить. Оседлал он коня такой вот ночью, как сегодня, и поскакал в горы. А перед этим заехал к любимой, сказал ей, жди, мол, скоро заберу тебя. Только девушка не послушалась, тоже села на коня и поскакала вслед за ним.

- Где она коня-то взяла? – спросил Штефан.

- Откуда я знаю?! Не перебивай!

- Ладно, рассказывай!

- Ну вот, прискакали они на гору, взялись за руки, дотянулись до Луны... А она их к себе и притянула. И теперь они там живут, и все на них смотрят, особенно в полнолуние, как сейчас. А клад так и остался в горах. Скорей всего, в Серых скалах, под охраной дракона...

Маркус замолк, и с минуту они молча смотрели на Луну.

- Я не понял, – задумчиво произнёс после паузы Штефан. – Получается, их мечта быть вместе сбылась и они там счастливы, хоть и не получили сокровища? Или они там страдают, потому что не могут вернуться?

– А кто их знает?! – пожал плечами Маркус. – Бабушка этого не сказала, а я тогда об этом и не думал, главное же, что сокровища остались в горах и можно их найти.

– Ну, может, кто-то и найдёт, – согласился Штефан. – Только ему придется сразиться с драконом!

– Нет, это без меня! Сожрет или в камень превратит, и зачем тогда мне этот клад?

– Ты прав, тогда незачем, – кивнул Штефан. – А про Харди Хитрого почему ты говоришь так уверенно, что он не враль?

– Потому что тот волк опять появился. Причем середь бела дня! Огромный зверь с чёрной шерстью. И ни на кого внимания не обращал. Лежал на пригорке, знаешь, где сосна растёт? До замка метров сто, не больше... По дороге люди ехали, собаки со всей округи собрались, лаяли на него, правда, издали, близко подходить боялись... А он лежал спокойно и по-хозяйски осматривался, совсем как человек! Хитрый и кричал ему, и даже алебардой об алебарду стучал, чтобы прогнать, они же звуков оружия опасаются... А этот ничего не боится: лежит себе и ухом не ведёт!

– А кроме Харди это кто еще видел? – недоверчиво спросил Штефан.

– Да почти вся дневная смена: и Дитмар, и Конрад, да и Кёниг потом подошел, он тоже видел... И повара к воротам вышли, и каретники...

– Ничего себе! – покрутил головой Штефан.

– Это еще не все, ты дослушай! Хитрый в него из арбалета три раза выстрелил. А не попал ни разу! Причём зверь даже не сделал попытки убежать! Как лежал, так и остался, только задрал голову, раскрыл красную пасть и подвывал как-то странно... Хитрый клялся, что он так смеялся!

– Ай, – отмахнулся Штефан. – Все знают, какой этот Хитрый выдумщик, а ты ему веришь...

– Может, Хитрый и выдумщик, но стрелок он хороший. Люди видели, как он стрелял, а потом нашли стрелы – одна в основании пригорка торчала, вторая в сосну воткнулась на высоте метра два, а третья вообще в сторону улетела, ее еле с собакой отыскали!

– Ну и что?!

– Да то! У хорошего стрелка стрелы кучно ложатся, а не летят во все стороны! Все говорят, что это не простой волк, а оборотень, вот он их и разбросал вокруг себя. Потому и смеялся!

– Пока сам не увижу, не поверю! – заявил Штефан.

– Дело твоё, верить или нет, а только так всё и было. И тому есть много свидетелей! Да ты сам походи днем вокруг замка, этот пригорок посторожи. Хитрый говорит, что он каждый день там бродит, обязательно встретишь!

– Прямо мечтаю, – буркнул Штефан. – Ладно, хватит болтать, пора на обход идти! Кёниг на днях ругался: прознал, что ночная смена часто с вышки не спускается, грозил, кого поймают, под замок посадит на хлеб и воду! Говорил, что сам будет нам ловушки устраивать, так что смотри, надо нам лицом в грязь не ударить!

– Я и не привык лицом в грязь! – буркнул Маркус и, вдев ногу в арбалетное стремя, двумя руками с трудом натянул скрученную из пучка бычьих жил тетиву. Потом вставил и закрепил болт – толстую, тяжелую стрелу, короче, чем обычная.

– Слышь, Штефан, а ты видел, как такой болт с двухсот шагов пробивает миланский доспех? – спросил он, переводя дыхание.

– Не видел. И никто из ребят не видел. Думаю, это сказки – ни одна стрела не пробьет железо. А если придумают такие стрелы, которые пробивают, то все доспехи надо будет выкинуть!

– Ну, тогда конечно – зачем они нужны? Только тяжесть на себе носить?

Стражники спустились по винтовой лестнице, зажгли факелы и отправились в ночной обход, думая о неведомых сюрпризах, которые приготовил им начальник стражи.

Ни в одном из домов и башен свет уже не горел. Даже окно кастеляна, который любил засиживаться допоздна и мог себе позволить жечь дорогие восковые свечи, уже зияло чёрным квадратом на третьем этаже белёсой в свете луны каменной стены. Окна же нижних этажей были плотно закрыты прочными ставнями. Башни и стены отбрасывали черные тени, не пропуская лунный свет. Везде темно и тихо, улицы были пустынные, как и положено: без дела шляться ночью опасно даже во дворе замка. Лишь шарканье деревянных подошв Штефана и Маркуса об отполированный множеством ног и копыт чёрный булыжник нарушал эту тишину. Пляшущий по стенам свет факелов они обязательно направляли во все темные углы и подозрительные закоулки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пилеолус – облегающая темя шапочка, позволяющая держать тонзуру в тепле.

2

Смотритель замка, управляющий.

Серв – крестьянин, находящийся в материальной, долговой и иной зависимости от феодала, почти крепостной.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koreckiy_danil/teni-chernogo-volka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)